

Дмитрий Е. Ружников

Инфаркт

Повесть о медицине и любви

Дмитрий Е. Ружников

Инфаркт

Повесть о медицине и любви

Санкт-Петербург
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Р83

Р83 **Ружников Д.Е.**

Инфаркт: Повесть о медицине и любви. — СПб. : Нестор-История, 2012. — 122 с.

ISBN 978-5-98187-894-7

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-98187-894-7

9 785981 878947

© Д.Е. Ружников, 2012

Петербург. Зима. День темный-темный, промозглый и холодный, сырой и ветреный. Такие зимние дни бывают только в Петербурге. Ни в соседней Финляндии или Норвегии, ни еще где-нибудь такой зимы нет.

Выбрал же местечко для столицы Великий император. Оставил бы на этом месте, как, говорят, вначале и хотел, крепость, а столицу, коли уж так к Москве сердце не лежало, верст на двадцать-тридцать по берегу Маркизовой лужи, по любому берегу и построил. Места-то, места — божественные! И главное — зима совсем другая. Бархатная!

Правда, потом в этих местах дворцы царские построили да дачи для знати. По южному берегу — цари, чтобы вставать с первым стуком солнышка в окна. Вставали царские особы рано! Трудились на благо государства и своих верно-подданных очень много! Не все, конечно. Но в основном...

Богема же — художники, артисты, композиторы... — селилась по северному берегу, чтобы солнце к полудню будило. Богема — она везде и во все времена богема! Ложится поздно, к утру, и встает, лениво потягиваясь, поздно, ближе к вечеру.

Но и те, и другие бежали из города. От гнили болотной да сырости туманной.

Здоровье-то во все времена дорого!

Да не нам, простым смертным, судить — велик был Петр в своих замыслах, потому, наверное, вышел на берег холодной стремительной реки да не перстом в небо, а палкой в землю ткнул... «Здесь будет город заложен!..» И построил под стать себе — Великий город! И зиму, такую вот — гнилую, подарил. А не хочешь — не живи!

В один из таких мерзостных снежно-дождливых зимних дней в ординаторской хирургического отделения обычной питерской больницы раздался телефонный звонок.

Усталый женский голос спросил: «Здравствуйте! Я могу поговорить с Александром Новых?» — «Да, я вас слушаю... Лиза?.. Ты?.. Что с твоим голосом?» — «Удивительно: через столько лет — и узнал голос. Я его сама давно не узнаю». — «Значит, все-таки ты... Здравствуй!.. Я удивлен, но так рад тебя слышать... Как ты меня нашла?.. Зачем?.. Прости, сказал глупость... Я тебя очень внимательно слушаю... У тебя что-то случилось?» — «Саша! Извини, что я так тебя называю, как раньше, как привыкла, но мне правда нужна твоя помощь — помощь врача. Я очень, очень больна... Я... умираю, — голос прервался от плача. — Я хочу, чтобы ты меня спас! Ты единственный, я верю, можешь меня спасти!» — «Лиза! Только не плачь! Я тебя очень прошу — только не плачь! Приезжай! Я все сделаю для тебя... Когда ты приедешь?» — «Завтра». — «Хорошо... Тебя встретить? Ты знаешь, где я работаю? Ты в Москве?» — «Где мне еще быть? Да, я знаю, где ты работаешь. Данные больницы передо мной, на столе. Не беспокойся: меня встретят и привезут в твою больницу». — «Хорошо. Больница, конечно, не моя. Если я буду на операции, не переживай, я предупрежу старшую сестру хирургического отделения и тебя сразу госпитализируют в палату. Но это если я буду на операции. Ладно?» — «Саша, извини, я устала. Я буду собираться. Хорошо?» — «Да, конечно... Подожди, у тебя, наверно, другая фамилия?» — «Ты помнишь мою фамилию?» — «Конечно! Правдина, Лиза». — «Сейчас я Голицына». — «Красивая фамилия — тебе идет. Прости, но я отчество не помню». — «А ты и не знал. Сергеевна я. Елизавета Сергеевна Голицына. Саша, я устала, извини, но мне еще надо собраться». — «Хорошо-хорошо, только, Лиза, не плачь. Я все для тебя сделаю.

Слышишь? Все!» — «Ты — моя последняя надежда! Я очень хочу, чтобы именно ты меня спас... До завтра!» — «Да, пока не забыл: если у тебя есть какие-нибудь выписки из историй болезни, заключения, исследования, возьми, если не тяжело, пожалуйста, с собой». — «У меня их целый том. Не тяжело. Кому надо — донесут!» — «Хм... том? Хорошо, я тебя жду». — «До свидания, Саша. Я так рада, что нашла тебя и что ты мне не отказал». — «Ты что! О чем ты?.. Приезжай!»

В трубке раздались гудки.

Александр Новых возбужденно и задумчиво прошелся по ординаторской. Воспоминания, воспоминания...

Она — молоденькая девушка, Лиза Правдина, в белом платье, какие бывают у невест и выпускниц школ, вместо Москвы приехавшая на свой выпускной в Питер, на уже знаменитые, но еще не такие помпезные «Алые паруса». Он — выпускник ленинградского мединститута, начинающий хирург. Первая любовь у нее, первая любовь у него. Встречи-расставания. Снова встречи и снова расставания. Три года и... разбежались. Причина проста, как сама жизнь: ее родители, особенно мать, — против. Как она, жена большого партийного руководителя, — и отдаст единственную дочь за начинающего питерского докторишку, да еще из рабочей семьи? Дудки! Стена! А для Лизы родители — боги! Не переступила, не настояла, а может быть, и не захотела, или разлюбила, или не любила, как казалось. Вот и разбежались. «Лиза, Лизонька, что же с тобой случилось? Что, если ты нашла меня через столько лет? Моя Лиза... Всё. Успокойся. Завтра все узнаю. А сегодня надо дело делать, и быстро».

* * *

Александр Владимирович Новых, сорокалетний врач-хирург, высокий, красивый, с черными, начинающими седеть волосами и светло-голубыми глазами.

Про себя говорил, когда докучали вопросами о внешности, что глазами он в отца, предки которого веками жили на берегу Студеного моря, рыбу ловили да *лодьи* одним топором строили, на которых и ходили на Грумант. Это потом Грумант стал вдруг Шпицбергенем, да еще и нерусским; да плевать нам, с нашими-то пространствами. Грумант, как и Аляска, не очень-то, оказывается, и нужен был — казне российской в тягость.

Чернотой же волос — в мать, чей род из донских казаков, — чистюлю, певунью и хлопотунью.

Когда что-то не нравилось Александру или в моменты какого-то внутреннего переживания, глаза его становились темными-темными, как то море во время шторма, откуда его предки пришли строить корабли для царя-реформатора да так и остались на берегах реки, такой же холодной и стремительной, как на их далекой родине. Нравятся женщинам такие мужчины, как Александр Владимирович. Говорят, что «млеют» они от таких мужиков и от таких глаз.

А Новых как будто и не замечал ни этой своей красоты, ни этого особого женского внимания к себе. Шел по жизни упрямо — ставя перед собой цель и добиваясь ее. Считал, что хирургия — его призвание, его жизнь и любовь.

К должностям и славе не стремился, хотя, судя по послужному списку, давно бы мог стать кандидатом, а то и доктором медицинских наук.

Тогда, в молодости, разрыв с любимой девушкой настолько угнетающе подействовал на Александра, что он, подающий большие надежды хирург, вдруг начал пить. Заведующий хирургическим отделением, известный в Ленинграде хирург Иван Иванович Гром, чтобы спасти полюбившегося ему талантливому молодого врача, созвонился со своими друзьями на севере, и Александр с тяжелым сердцем уехал в бескрайние северные края, где тому, кто там не бывал, всегда кажется, что кроме снега, метелей и белых медведей ничего там нет.

Уехал да и остался: привык, наверное, — по сведениям, стал там ведущим хирургом огромного, как страна, края.

Категорию высшую имел; так в наше время категории не за заслуги дают, а за стаж: есть стаж — нет проблем — получи.

Оперировал много, изумительно хорошо: быстро, точно, уверенно и как-то очень легко. С легкостью, но только не с бахвальством, брался за самые сложные операции. Наверное, эта уверенность, эта точность, скорость достались ему от предков — тружеников и искусных умельцев в своей многолетней профессии корабелов.

Понял на севере, что над человеком есть только одна власть — совесть! Север не «материк», ни рабства, ни крепостничества в тех местах никогда не знали. Потому и любят там больше всего свободу — свободу мыслей, свободу действий. Своенравный, непокорный народ северяне. И честный.

Вернулся в родной город через много лет: после смерти отца мать не захотела переезжать к нему на север. Вернулся, как сам считал, временно. И как только, так сразу — обратно, на север, где у него работа, дом, друзья и настоящая жизнь.

В Петербурге устроился на работу в ту же больницу, в которой когда-то начинал большую хирургию. К сожалению, не застал старика Грома — того после смены главного врача быстренько уволили, как официально говорилось, «на пенсию по старости», а в действительности за честный и неподкупный характер. Мужик был шумливый, за словом в карман не лез. Правду — в лоб! Таких людей, как Гром, начальники нигде и никогда не любят!

Александр пробовал вместе с молодыми докторами Олегом и Алексеем, что работали в хирургическом отделении, вернуть старика хотя бы консультантом, но заведующий хирургическим отделением и главный врач больницы наотрез отказались даже обсуждать этот вопрос.

Так что иногда с молодыми коллегами-хирургами, а чаще один наезжал с бутылочкой к старому хирургу побеседовать, посоветоваться, а больше — чтобы послушать умного человека.

Был неженат. Почему? Не распространялся. Жил в коммуналке, на Петроградке, занимая с матерью две узкие, как пенал, с высоченными потолками комнаты.

За эти два с небольшим года, что он работал хирургом в больнице, о нем пошла молва по городу, да и за его пределами, как о великолепном хирурге. Больные, родственники больных, оперированных Александром, передавали, да и врачи подтверждали, что, когда он оперирует, Бог подталкивает его под локоток, а завистники зло шептали, что ему помогает сам дьявол! Но в своем профессиональном хирургическом кругу все признавали, что у него исключительный талант — талант оперирующего хирурга.

Пытались переманить в другие больницы и клиники. Предлагали и зарплату великую, и операционные шикарные. Но тщетно! Он оперировал в этой больнице и создавал славу этой больнице. Почему? Может, потому, что и вправду считал, что он здесь, в родном для него городе, временно и тратить драгоценное время на что-нибудь другое, кроме хирургии, для него слишком расточительно.

И еще за ним замечали одну, непонятную по нынешним временам, странность — он не брал взяток! Не брал, и все! Только коньяк (с коллегами), конфеты и цветы (для медсестер). Так какая это взятка... благодарность. Почему не брал? А... его знает!

* * *

«Так, первое — позвонить Наталье, потом заведующему...»

— Наташа! У нас одностратка платная свободна?

— Свободна, Александр Владимирович. Вы же знаете, что она за шефом. А что, надо кого-то положить?

— Да.

— Так переговорите с шефом. Уж вам-то он не откажет.

— Хорошо. Вы никуда не убегаете? Я сейчас переговорю и подойду.

— Да, конечно, подходите. Я у себя.

Новых набрал номер телефона заведующего отделением.

— Роман Романович, это Александр Владимирович. Можно с завтрашнего дня занять вашу одноместную палату?

— Какой вопрос, Александр Владимирович! Для вас — всегда пожалуйста! Кстати, вы помните, что она платная? Ваш пациент состоятельный?

— Думаю, что да. Не переживайте.

— Откуда, если не секрет, ваш новый блатной или блатная?

— Вы прекрасно знаете, Роман Романович, что у меня нет блатных больных. А эта больная из Москвы.

— Тю!.. Не обижайтесь. Это я так, шутя. Но что-то я не припомню, чтобы к нам — да из Москвы. Как правило, все в Москву! Ну, может быть, куда ни шло, в федеральные клиники, но в нашу богадельню... Ладно, договорились — она ваша!

— Спасибо, Роман Романович!

Хирурги — люди скорости. «Так, одно решили, дальше к старшей медсестре».

Наталья Дорошко, старшая медсестра хирургического отделения, полная, из тех, кого полнота красит, русая от природы, голубоглазая, красивая, какими бывают только украинские женщины. Строгая, но справедливая к сестрам и санитаркам и с уважением, но без угоды к врачам. Труд хирургический не понаслышке знает: больше десятка лет отстояла за операционным столом — ноги заболели, что профессионально, и назначили старшей медсестрой хирургического отделения. Порядок у нее как в операционной: все знает, все в ее отделении есть. На таких «Натальях» медицина российская стоит! А не будет — пропадем! И Александра Владимировича помнит еще молодым, начинающим хирургом.

— Еще раз, Наталья, добрый день! — сказал вошедший в кабинет старшей медсестры Новых. — Я договорился с шефом — он разрешил. Что мне надо? Завтра из Москвы прибудет в больницу Голицына Елизавета Сергеевна, надо ее госпитализировать сразу в наше отделение, мимо приемного, — историю здесь заведем, а в приемном потом отметим.

— А чего сложного? Шеф всегда так делает. Он и палату люкс, платную, завел для своих больных. Правда, как правило, они не платят. Забывают. Но это, вы понимаете, не наше дело. Не переживайте, все сделаю как положено. С приемным покоем я согласую. Палату приготовим. Индивидуальный пост организовать? Правда, он-то точно платный. Она сможет оплатить?

— Не сможет — я за все заплачу. Пока ничего не надо, я ее еще не видел.

— Не мое это дело, Александр Владимирович, но чтобы из Москвы — да к нам? Она вам кто?

— Старая знакомая.

— Не переживайте, Александр Владимирович, я все сделаю.

— Большое спасибо, Наташа! Пойду — дел полно.

* * *

Дом заместителя председателя правительства России, а на иностранный лад — вице-преьера, Алексея Иосифовича Голицына, всегда сверкающий, веселый, радушный, в последние годы, как заболела его красавица-жена Елизавета Сергеевна, как-то потускнел, стих, замолчал, наполнился темнотой и шорохами. И голоса в нем стали как в треснутом горшке: тихие и глухие. Болью и болезнью наполнился дом.

Болезни у всех разные, а страдания — одинаковые!

Алексей Иосифович, рослый, солидный мужчина шестидесяти с небольшим лет, прошедший школу советского комсомола и партноменклатуры, пусть даже на излете советской вла-

сти, во времена горбачевской перестройки легко шагнувший в новый и непонятный для других мир бизнеса, и не в простой, а в самый богатый и бандитский — нефтяной, богач, балагур и весельчак, женившись в пятьдесят на молодой и красивой Елизавете Правдиной, в последние годы как-то сник, постарел, поседел, переживая и понимая, что теряет самое дорогое — любимую женщину, жену.

Даже отбившийся от рук подросток-сын — золотая молодежь, элита, опора государства, — приходя домой с очередных праздных шатаний с такими же подростками из богатых семей, как-то притих... Мать больна. Такие, как мы, не должны же болеть? Болеют — нищие! А тут — мать!

Алексей Иосифович в отчаянии даже порывался уйти из правительства — побыть с женой, но Елизавета Сергеевна, умная женщина, запретила: понимала, что для него работа на износ — спасение, а для нее облегчение — отсутствие постоянных вздохов и глаз, полных слез. Все понимали, чем все это закончится, но гнали и гнали от себя эту мысль.

А каких-то три года назад никто даже не задумывался, даже мысли не держал, чтобы вот так, в один миг, все хорошее в этом мире рухнет: дом — полная чаша, поездки за границу, отдых на островах в теплых южных морях и со всех сторон уважение и почитание, больше похожие на подобо-страстие. И все подчинится одному — болезни! Все эти годы каждый день Голицын боролся за жену: объехал с ней все лучшие клиники в Москве, в Европе, в Северной Америке. Если вначале все соглашались, что надо оперировать, то потом все больше — исследования, анализы и выписки с предложением лечиться в лучшей клинике, у более известных врачей. И все поняли — на Елизавете Сергеевне поставлен крест! И если раньше она все плакала, то в последнее время смирилась с происходящим, замкнулась в себе, сникла. Крестилась и стала пусть иногда, но ходить в церковь — ушла от такого шумного, родного, праздного мира в мир тишины

и отрешенности. Успокоилась и стала тихо угасать. Что делаешь — судьба!

* * *

— Лиза, ты куда-то собираешься? — удивленно спросил Алексей Иосифович, вернувшись поздно вечером с работы и зайдя в комнату жены.

— Алексей, я завтра уезжаю в Петербург. Так надо. Я хочу, чтобы меня посмотрел знакомый мне врач.

Елизавета Сергеевна возбужденно двигалась по огромной, но уютной спальне, выдвигала ящики комодов и, вынимая, рассматривала свои вещи — часть откладывала, часть бросала обратно в ящики.

— О чем ты говоришь, Лиза? Какой Петербург? Какой знакомый врач? Тебе надо отдохнуть... Ты устала... Приляг... Хочешь, я распорядусь, чтобы ужин подали сюда? Может, вина?

— Алексей, ты меня не слышишь? Я завтра должна быть там! Ты видишь, я собираю вещи.

— Лиза, но я не могу завтра лететь с тобой в Петербург. К моему сожалению, завтра заседание правительственной комиссии, которую я возглавляю... Если ты так хочешь, давай на следующей неделе... Я договорюсь с шефом. Потом необходимо решить проблемы билетов, сопровождения, встречи, гостиницы. Мне надо отдать соответствующие распоряжения.

— Извини, Алексей, но я все уже сделала. Не ругай своих помощников — они оперативно все решили, а то, что тебе не доложили, — я их об этом попросила.

— Да не буду я никого ругать или наказывать. Ты же знаешь, это вообще не мой стиль. Но зачем так скоропалительно?.. И почему в Петербург?

— Я устала. Давай присядем. Я хочу с тобой поговорить... Давай не будем друг друга обманывать — мы оба знаем... мне осталось немного. Я уже не могу лежать и долго

ходить, да что там ходить — мне стоять тяжело... она давит. Я умираю!..

Голицын, бледный, как-то сразу постаревший, с опустившимися плечами и подрагивающими, сцепленными между коленями ладонями, сидел, понурился крупную голову. Потом вздохнул, достал платок, снял очки и протер платком лоб и глаза.

— Я в это не верю! — тихо, дрожащим голосом сказал он. — Не верю!

— Спасибо, Леша! Но, когда меня не будет, хочешь не хочешь — поверишь. Мы с тобой прошли все. Нам... мне, нечего терять. Если честно, я уже исповедалась. Ты же знаешь — я крестилась. Нет, я не бегаю каждый день в церковь и не бьюсь лбом в пол. Я вообще не чувствую за собой грехов... Я говорила со своим духовником. Как ни странно, не утешал меня и не готовил к неизбежному... Он сказал, чтобы я искала спасение в себе, внутри себя, в своем прошлом. И я поняла, что мне надо делать. Так мне кажется. Я еду к известному питерскому хирургу Александру Новых. Мне от тебя нечего скрывать... теперь скрывать: я его знаю... знала, давно... еще до тебя. Говорят, что он классный, уникальный хирург. Я с ним разговаривала. Он меня ждет. Это, может быть, последний наш шанс. Точнее — последний шанс! Я не хочу, чтобы ты ехал сейчас, со мной. Если решится вопрос с операцией, я сообщу — прилетишь и привезешь Сергея. Сам знаешь для чего. И очень прошу тебя — не дави на питерских врачей. Мне терять нечего. А мой характер, я надеюсь, ты выучил. Если будет хоть малюсенький шанс, то я пойду на операцию. Сейчас иди, мне надо собраться. Я устала от этих своих излишаний. Прости.

— Я все понимаю, Лиза, но все равно мне непонятно — почему в Петербург? Мы прошли всех и вся — и вдруг какой-то доктор в Ленинграде, прости, в Петербурге. Тебя тоже не шарлатаны смотрели — светила!

— А может быть, наша с тобой вина как раз в том, что светила смотрели? Может, они смотрели не на меня, а на тебя? Тебе никогда так не думалось?

— Не спорю, Лиза, — я об этом думал. Но они же врачи, и не я больной. Хотя, и ты это знаешь, я, не задумываясь, готов поменяться с тобой своей жизнью. Но Бог почему-то этого не делает.

— Бог здесь ни при чем! Это — судьба! Все, иди, не мешай.

— Хорошо, я зайду к тебе через часик.

* * *

Считается, что хирургия — направление медицины. Одно из направлений. Это для обывателей — бессонные ночи, операции, больные, романтика! Ерунда! Нет ничего этого в хирургии. Хирургия — особый образ мыслей, особый образ жизни — и никакой романтики. Тяжелый, тяжкий и страшно ответственный труд! Не перед прокурором и судьей — перед больным человеком ответственный, перед собой ответственный. Конечно, кто-то должен и панариции в поликлинике вскрывать. Но мы говорим о большой хирургии. Большой!

* * *

Петербург. Больница. Операционное отделение.

— Всё!.. Шьем... Маша, давай кетгут на брюшину... Шей, Студент.

— Я?.. Страшно, Александр Владимирович!

— В первый раз всегда страшно, во всем, а в хирургии особенно. Шей-шей, но аккуратненько, с умом. Всегда думай, когда шьешь: что шьешь, чем шьешь, как шьешь.

— Хорошо!

— Молодец, Студент! Вяжешь неплохо да и шьешь старательно... Куда руки поднял? Запомни, это дирижер может

махать руками. Мы — нет! Так, давай, Маша, шелк на апоневроз. Шей дальше, Студент. Я повяжу!

В операционную, прижимая маску к лицу, вошла старшая медсестра Наталья; тихо подошла сзади к Новых и, стараясь не притронуться, вытягивая шею, прошептала:

— Александр Владимирович, там, в отделении, переполох: больную, которую вы просили госпитализировать, привезли на шикарной машине, с мигалками. Два громадных амбала, охранники наверное, коляску с ней занесли в отделение на руках. Я только что и успела дверь в палату открыть — они ее в палату внесли, вышли и стали у дверей, как часовые. И это все во время обеда — больные с тарелками да кружками по стенкам размазались, все полы залили. Глаза у всех как блюдца. Сейчас по всем палатам только шушуканье идет: кто такая да зачем к нам? Подождите, еще заведующий заскачет, а за ним и главный... Она кто?

— Обычная больная... Сейчас дошьем — и приду.

— Какое «дошьем»! — старшая медсестра посмотрела в операционную рану. — Маша со Студентом и без вас управятся. Правда, Маш?

— Конечно-конечно, идите, Александр Владимирович.

— Успокойтесь, вы... Дошьем — и приду... Шей, Студент!

* * *

Главный врач больницы Рудольф Стальевич Цыпик занимал этот кабинет и эту должность всего-то три с небольшим года. Из Москвы он. Как сюда, в Питер, попал, да главврачом в обыкновенную городскую больницу, разговоров много ходило. Так то разговоры — истина, она в Москве осталась. Поговаривали, но тихо, что спрятали его, сослали в Питер за какие-то неблагоприятные дела в какой-то крупной московской клинике. Загреметь он должен был далеко и надолго. Спасли, спрятали, по московским меркам на периферии,

в Ленинграде, а по-новому — в бывшем имперском городе с областной судьбой — Санкт-Петербурге. И велели, пока все не утихнет, не высовываться, в столицу не стремиться — стараться приезжать пореже, глаза московским начальникам не мозолить. Время лечит!

Жена, естественно, из столицы ни ногой. Не декабристка! После шикарной, безбедной жизни — на квас с хлебом? Успокойтесь. Да ни в жизнь! Поезжай, мы как-нибудь здесь перекантуемся. Деньги — укради (тебе не привыкать), но присылай.

Вот он и продолжает, но тихонечко, с оглядкой, с опаской, подворовывать на всем, что под руку попадет. Нет в Питере московского размаха. А может, пока побаивается? В столицу-то, обратно, так вернуться хочется!

Да и утешился вдали от жены быстро: медицина — профессия женская, и секретарша Ника, тридцати лет от роду, тоже не замужем.

Быстро привнес в работу больницы ранее московские, а теперь как пожар охватившие медицину всей страны платные медицинские услуги и дополнительные поборы с больных граждан. Палаты ввел платные за счет сокращения бесплатных — все по-современному.

И потекли денежки, заработанные на этих самых платных услугах врачами, медсестрами да санитарочками, «мимо кассы», побежали прямиком в карман главному врачу и некоторым его приближенным вроде главного бухгалтера и кассира. Деньги, конечно, не московские, но на безбедную жизнь хватало. А по питерским меркам — так и вообще-то очень даже ничего...

Кабинет обставил, как положено столичному чиновнику. Даже компьютер крутой установил. Нужен он ему как кому-то седло... Мода! Престиж! Мебель — мягкая, светлая, натуральная прекрасной выделки кожа. Личный стол выше общего стола, и поэтому любой посетитель как бы прини-

жен, смотрит на тебя снизу вверх. То что и надо. Опыт-то московский пригодился.

Вот так жил в последние годы Рудольф Стальевич Цыпик, не особо страдал, дни считал, когда из ссылки отзовут.

Власть-то в Минздраве быстро меняется: проворуется очередной министр — и прыг в послы! Дипломатическая неприкосновенность!

Все до сегодняшнего дня более-менее хорошо было. До сегодняшнего! До поступления в больницу жены вице-преьера правительства страны Елизаветы Сергеевны Голицыной. От одного перечисления должностей мужа поджилки затрясутся.

Этот день и начался для главврача Цыпика с ужаса — со звонка старого дружка из Минздрава российского; со смешком так, со слезой звонил дружок — то ли предупредить хотел, то ли посмеяться? В старые-то времена за километр бы кланялся... сука!

Сообщил он ему новость, которая уже кругами расходилась по московским салонам элитным, по чиновникам всех высоких и не сильно высоких рангов: жена самого Голицына уехала в Петербург, в какую-то занюханную больничку, умирать! Оказалось — в его больничку! И все московские товарищи бывшие начали названивать да соболезнования приносить. С ехидством приносить. Как на похоронах. Только что свечку за упокой души Рудольфа Стальевича в открытую не ставят!

— Ника, срочно вызови ко мне заведующего Тёмкина! Бегом!

Рудольф Стальевич как затравленный зверь забегал по кабинету — вперед-назад, вперед-назад, покрикивая:

— Ну, сука, ну подложил свинью!.. Я же не только не выберусь отсюда... меня сошлют, закопают, где подальше! Ну, Тёмкин, козел, гад, подставил, под монастырь подвел, под тюрьму! Сволочь! Гаденыш!.. Только появись... я тебя разорву!

Рудольф Стальевич поднял трубку телефона, бросил... Пробежал через весь кабинет, рывком открыл дверь и, не обращая внимания на посетителей в приемной, взвизгнув, заорал:

— Ты долго, дура, будешь искать его?! Шевелись, мать твою!

С грохотом закрыл дверь. И уже за дверью, так, что слышно было в приемной, раздалось: «Сука! Корова!»

* * *

Новых быстро шел по больничному коридору. А мысли, мысли — бежали впереди: «Ишь ты, какие гвардейцы в штатском стоят. Дверь. За ней она! Какая она?.. Боже! Какая худая... Маленькая, как старушка. Одни глаза. Такие родные, такие любимые, такие огромные на этом худом лице!.. Я сейчас расплачусь... Лиза, Лизонька, что с тобой?.. А живот, живот!.. Водянка?.. И что я сделаю — пункцию брюшной полости? Выпущу жидкость? Так с этим справится и наш Студент... Господи, если Ты есть, помоги!.. Так, улыбочку! Все хорошо!»

Как описать больную Лизу? А как описать боль? Как описать болезнь? Нет, не симптомы. Они давно описаны врачами. Как описать состояние души больного человека? Да никак! От большинства таких же умирающих Лиза и отличалась только одеждой. Красивой, дорогой, фирменной одеждой и великолепным бельем. Ухоженными ногтями и кожей. Ну и что, коли есть деньги? Перед Господом-то все равны! Перед ним предстают не костюмы, а души.

Лизины глаза, большие, карие, с каким-то вишневым отливом, наполненные страхом и в то же время непонятной внутренней добротой, — огромные на фоне белизны худого лица. Глаза большого человека.

Может быть, такие глаза были у другой Лизы, литературной, в момент великого чуда — рождения сына и дикого страха — страха смерти?

Человека всегда везде и во всем выдают глаза.

— Привет, Лиза! Или мне к тебе обращаться официально — Елизавета Сергеевна?

— Саша, ты издеваешься? Какая я для тебя Елизавета Сергеевна?

— Хорошо! Здравствуй, Лиза! Выглядишь, как всегда, прекрасно.

— Хочешь сказать, что я тогда, в нашей молодости, была такая же страшная и такая же худая?

— Какая у тебя бывшая молодость? Нет, правда, неплохо. Ну, несколько похудела, так это проходящее.

— Не обманывайся и не обманывай. Краше в гроб кладут! — Лиза заплакала.

— Только, Лиза, пожалуйста, не плачь. Если ты помнишь, я твоих слез не переносил.

— Помню! — ответила сквозь слезы...

— Ты приляг... Почему ты так — полулежа?

— Она давит, Саша. Ложусь — задыхаюсь, сердце куда-то вверх прижимает. Ходить начинаю — такое ощущение, что рожаю: все, извини, из живота вот-вот вывалится между ног!

Александр пододвинул стул к кровати, присел, осмотрелся вокруг, удивился:

— Это твои документы? Приличная папочка. Ладно, посмотрим попозже, — и начал интенсивно растирать пальцы и ладони. — Давай-ка, Лизонька, посмотрим твой животик. Не часто видим женщин в пижамах, да еще таких красивых женщин. Правда-правда, тебе идет пижама.

— Какой животик? Баба на сносях. Сейчас рожу!

— Ну, еще Шекспир сказал, что ничто так не красит женщину, как беременность.

— Не ври. Он сказал, что нет ничего прекраснее, чем походка беременной женщины.

— Спасибо, напомнила. Походка уточкой! Ну-с, давайте, девушка, посмотрим ваш животик.

Лиза расстегнула пижаму — сразу стало видно худое, с выпирающими ребрами тело, с плоской, еле заметной грудью, выступающими тазовыми костями. И на фоне этой худобы большущий, как у беременной, живот, с разбегающимися по бело-синюшной коже множественными венами.

Мысли — как молот по голове: «Боже! Неужели правда уже водянка?.. Спокойно! Возьми себя в руки... Смотри! Ищи шанс! Ищи!»

Александр очень аккуратно, почти не притрагиваясь, как бы обводя, обволакивая, пошел перебирать пальцами по животу, как пианист по клавишам.

— Какие у тебя теплые пальцы. Как раньше. Как водичка теплая или летний ветерок бежит.

— А ты помнишь — как раньше?

— Я, Саша, все помню.

— Скажи-ка, Лиза, как давно ты больна?

— Три года.

— Сколько?.. Ты не ошибаешься?

— Ты же врач, Саша. А я — больная. И помню, как всякий больной, не годы — месяцы и дни.

— Извини!

И тихо, про себя: «Не может быть! Это не водянка, и это уже шанс».

— Саша, у тебя вдруг такой задумчивый взгляд, как будто ты где-то не здесь. Тебя всегда глаза выдавали: темные-темные становятся. Что — все так плохо?

— Разве я так сказал? Нет. Лиза, мне надо посмотреть тебя всю. Тебе надо раздеться. Я тебе помогу. Не стесняйся, я же врач.

— Тебя — который знает меня? Я стесняюсь только одного — своей немощи и худобы.

Александр терпеливо, очень долго и очень внимательно, как археолог, ищущий какую-то маленькую монетку в древ-

нем кургане, осмотрел, послушал, ощупал, обстучал каждую клеточку худого, изможденного, но такого родного, знакомого и любимого тела... Потом встал и пошел по палате, задумчиво опустив голову, даже не заметив, что, как ребенок, сжимает зубами указательный палец.

Лиза сдавленно и глухо, сквозь слезы, не сказала — прошептала: «Ну что — все?.. Умирать?»

Александр как-то задумчиво, как-то отрешенно, тихо проговорил: «А?.. Что?..»

Потом посмотрел на нее удивленно, как будто увидел в первый раз, встряхнул головой, как пробуждаясь ото сна, взгляд посветлел, и, видимо, приняв какое-то внутреннее, но очень важное решение, тихо-тихо сказал поникшей, сжавшейся, как в ожидании удара, Лизе:

— Лиза... Ты хочешь знать правду? Я не понимаю, почему тебя не оперировали раньше. Сейчас я ничего другого тебе не скажу. Мне надо посмотреть твои выписки, заключения... Сейчас отдыхай, я распишу капельницу, тебе сделают по срочной анализу, отдохнешь, поспишь, а я пока посмотрю документы и потом снова приду к тебе. Тебе надо поспать... Но, скажу честно, я ожидал чего-то худшего.

И сразу у нее — слезы, слезы. Навзрыд, невнятно, проглатывая слова:

— Спасибо, Саша!.. Мне за последние месяцы впервые такое говорят. Нет, не отказывали в помощи, а так, отводя глаза в сторону, говорили, советовали, чтобы поехала туда-то, чтобы посмотрел тот-то. Все: и наши, и не наши. Мне как-то сейчас сразу тепло — внутренне... Так хорошо!.. Кажется, я засну даже без лекарств... я... уже сплю.

— Давай сделаем так, как я предложил. Хорошо?

— Хорошо.

— Отдыхай!

Новых вышел из палаты, аккуратно прикрыл дверь и тихо прошептал: «Боженька!.. Ну помощи!»

— Сука!.. Гад!.. Ты, сволочь, таким образом решил меня подставить?

Заведующий хирургическим отделением Тёмкин Роман Романович, бледный и потный, навтыяжку, как солдат, стоял и поворачивался не головой — всем телом за бегающим по кабинету и орущим маленьким, толстеньким, лысым, красным от возбуждения и страха главным врачом Рудольфом Стальевичем Цыпиком.

— Э... Я...

— Молчать!..

— Я...

— Молчать!.. Это ты так, сволочь, на мою доброту отвечаешь?! А может быть, решил меня подсадить?.. Договорился, гад, с моими врагами?..

— Э...

— Молчать!.. Не надейся, паразит. Я тебя упеку туда, куда ты бы и попал!.. Забылся?.. Сейчас бы полы драил в какой-нибудь зоне, если бы не я... И я еще деньги потратил на это г...о, чтобы его от тюрьмы спасти!..

Набегавшись, главный врач Цыпик остановился напротив бледного и трясущегося от страха заведующего хирургией.

— Чего глаза вытарашил? Что — нагадил?.. Говори, козел, зачем это сделал?

— Что?

— Что «что»?

— Да что же я такое сделал, Рудольф Стальевич, что вы так на меня разошлись, так меня ругаете?

— Не прикидывайся, Рома. Зачем Голицыну положил к себе в отделение?

— Кого? Какую Голицыну?

— Не понял?.. Ты что, не в курсе, что происходит в больнице?! Ты где, дружок, был?

— Я... только пришел. И меня сразу ваша Ника чуть ли не за шкирку — к вам.

— Молодец, Никуля! Слушается папу. Значит, ты не в курсе происходящего?

— Да нет же, говорю вам.

Главный врач, немного успокоившись, пробежал еще несколько шагов, остановился и, тяжело дыша, сел в свое большое красивое кожаное кресло. Его короткие ножки до пола не доставали.

— Ну, чего стал столбом? Садись. Будем сейчас тебя пытаться, врешь ты или нет. И где это ты был, что на работу за являешься аж к вечеру?

— Э... Я...

— Чего мямлишь? Отвечай!

— Так я же вам докладывал, что сегодня буду на конференции хирургов, по вопросам платных медуслуг.

— Что-то не припомню. Сейчас у Ники спрошу. — Цыпик нажал кнопку на настольном телефоне и крикнул: — Ника, направляли мы Тёмкина на совещание?

— Нет... Не помню. Я сейчас посмотрю.

— Не надо. И так все понятно. Ну что? Дальше будешь заливать или как?

— Виноват, Рудольф Стальевич! День у меня свободный, без операций, дела некоторые поделал... лег спать попоже... проспал...

А про себя со страхом подумал: «Неужели знает, что у меня с его Никой свои лично-кроватные дела? Да не должен, иначе давно бы из больницы выкинул».

— Какие у тебя еще дела? Все же знают, что ты не оперирующий, из поликлиники я тебя притащил. Ты, козлик, преркрати эти свои дела-делишки. Ишь ты вольность развел: все на работе, а он спит. Устал? Так я тебя быстро отправлю отдыхать, подальше от моей больницы. Вот потому, что ты отдыхаешь, в твоём отделении бардак творится... Повторяю: зачем Голицыну к себе положил?

— Да какую Голицыну? Не знаю я такой больной.

— Голицына — это жена вице-премьера правительства России! Из Москвы к нам прикатила. В нашу-то богадельню — помирать!

— Из Москвы?.. А... тогда понятно. Ничего себе знакомые у Новых! Он у меня вчера палату платную выпросил для своей знакомой из Москвы. Вот это да!

— Какой Новых? Этот твой хирург? Уникум, как ты о нем отзываешься? Ну, давай, объясняй, как это — без тебя твои же врачи могут госпитализировать, кого захотят? И что это за знакомства такие, интересно? А то врешь тут — совещания, заседания. Да Людка тебя замотала за ночь! Или я не прав?

— А... вы откуда знаете?

— Я должен знать все и обо всех: кто, когда, с кем и где. И даже сколько. Да ты сильно-то не переживай. Людка — она женщина умная, болтать не будет. А дома-то чего врешь — на дежурстве, мол?

— Ничего от вас, Рудольф Стальевич, не скроешь, — сказал, как будто удивленно, Тёмкин, а про себя подумал: «Слава богу, кажется, пронесло. Пусть будет Людка!»

— А от меня ничего и не надо скрывать. На то я и главный врач — отец для вас, козлов, родной. Теперь слушай меня внимательно и не перебивай... Меня уже достали мои старые дружки по Москве — сочувствуют, а точнее, смеются. Она прошла лечение в Москве, в Европе и Америке. И везде, подчеркиваю, везде благополучно от нее отпихиваются. Обследуют с головы до пят и тихонечко избавляются. Ты понимаешь? В Москве! Где Москва и где мы — ты хоть сообразить-то можешь своей тыквочкой? Чего она делает у нас в больнице? Мы что — особенные? Может, мы на особом счету у министерства или у здешнего губернатора? Так ведь нет — простенькая городская больница. С какой такой радости к нам? Ну на кой мне нужен весь этот геморрой?.. Говорят, там неоперабельный рачок-с, в животе... А я ее

по Москве помню: цветущая, красавица, я тебе скажу, была. Он ее, как икону, везде с собой таскал, показывал. На всех правительственных и неправительственных тусовках она признанная первая леди, не считая президентской, конечно. Ему, наверное, за шестьдесят, ей лет тридцать с небольшим. Поздняя любовь или что там еще. Я, правда, во всю эту хрень с любовью не верю. Да не с меня и спрос... Все ему завидовали!.. Я и не знал, что она больна. Выпал из обоймы... временно. Жаль, искренне жаль, но... ты меня, надеюсь, понимаешь — нам она не нужна! Заметь, Рома, я ничего от тебя не скрываю. Даже про Москву!.. Я, конечно, рад да и вижу, что наша хирургия в последнее время прямо нарасхват. Аж ко мне за госпитализацией обращаются. Это хорошо и это... выгодно! Но данная госпитализация — это уже перебор! А кто согласовал эту госпитализацию? Если не ты, то кто?

— Да нет, как я понимаю, она госпитализирована по направлению хирурга Новых.

— Что значит «по направлению хирурга Новых»? А направил-то кто? Тоже Новых? У тебя что, врачи сами решают, кого и когда госпитализировать? А ты где — в стороне стоишь? Ты же заведующий! Без тебя и твоего согласия мышь не должна проскочить! Понятно я изъясняюсь?

— Рудольф Стальевич, да это нормальная практика: госпитализируют по направлению поликлиники или по согласованию с заведующим либо с лечащим врачом. Да и вы, сами говорите, в последнее время направляете на лечение. Мы же не федеральная клиника — у нас этих идиотских квот нет. Так что с точки зрения соблюдения правил нарушений никаких. Да и откуда я знал, что это жена самого премьера!

— Не премьера, а вице-премьера. У премьера жена, поговаривают, здесь, в Питере. То ли не хочет, то ли не может в первопрестольную перебраться. Затворница! А насчет правил... Интересно, кто их установил — ты? Установливатель нашелся. Правила здесь устанавливаю только я. Понятно?..

Ладно — проехали... И, надеюсь, ты меня понял — надо сделать все, чтобы ее выписали или сама выписалась. Но без лишнего шума! Ну не берутся лечить в России, так пусть везет за границу. Для него-то, *ейного* муженька, какая проблема? А доктора своего ты приструни. Он, может быть, и неплохой хирург, коли такую славу нашей больнице да и деньги и немалые (Цыпик подмигнул и похлопал себя по карману), приносит. И тебе, и мне! Но можно всего в раз лишиться! И не только денег. Их, надо будет, и на чем-нибудь другом отобьем... Головы! Выкинут с волчьим билетом! И не думай, что только меня одного. За нее и тебя не пожалеют. Врачишке-то твоему наплевать — не впервой, наверное. Откуда он, ты говорил, с севера? Вот в случае чего туда и вернется. В зону. А мы с тобой куда? На прием в поликлинику, старушек принимать? Или, может быть, туда же, в соседнюю зону? Чуешь, чем все это пахнет?.. Так что давай не тяни, без особого шума выписывай. Хватит мне одного переезда из столицы в ваш областной городок. Тоже мне — столица империи. Где она — империя? Прикончили ее наши деды в семнадцатом! Что же мне здесь всю жизнь куковать?.. С такими делами, как Голицына, точно до смерти не выберусь отсюда! Вечная ссылка, такую...

— Есть, Рудольф Стальевич, одна проблема.

— Какая еще проблема?

— Лечащий врач!

— Не понял. При чем здесь твой доктор? Ты же заведующий.

— А как вы это представляете? Прихожу и говорю: «Выписывай!»

Рудольф Стальевич подскочил в кресле и, выпучив глаза, заорал:

— Ты что хочешь, чтобы у нас ее лечили, а может быть, еще и оперировали?! И вынесли?! Ты рехнулся или как? Я чего целый час в башку твою тупую вдальбливаю? Выписы-

вай! Ты заведующий или кто? А может, мне тебя заменить? И пойдешь ты, мил дружок, простым врачом в поликлинику. Хирург-то ты, как оперирующий, даже я знаю, никакой. Ты, видимо, забыл, как сюда попал? Кандидат хренов! Благодарю, что у меня работаешь. Что думаешь, я не понимаю, почему ты этого врача к себе взял? Знаю и поддерживаю. Но твои проблемы я предлагаю тебе решать самому. Мне своих проблем вот как (Цыпик провел ладонью над головой) хватает! Ты думаешь, это так закончится — смешками московских коллег? Черта с два! Сейчас начнется! Сижу вот и жду! Еще какого-нибудь звоночка... А если министр? Или губернатор? А вдруг — муж?.. И не дай-то бог дождусь! Я тебя тогда, еще до разборок министерских, самого разберу на части. Для пересадки органов!.. Понял ты меня или нет?

— Да я-то все понял, Рудольф Стальевич! Ну а если все-таки откажется?

— Нет, я не могу! Ты что хочешь сказать, что она операбельна? И твои молодцы будут ее оперировать?

— Да не знаю я! Я ее не видел. Я же не знал, что она жена вице-преьера Голицына! Но я знаю одно: Новых хирург классный! Этого от него не отнимешь: в очередь больные стоят, только чтобы он оперировал. Правда, характер, характер — упрямый.

— Всё! Плевать я хотел, кто и за кем у тебя там стоит! Новых не Новых. Иди и решай! И не тяни! И держи меня в курсе! Кругом! Пошел, пошел! Бегом!

Тёмкин выскочил из кабинета, не забыв при этом тихо-нечко и бесшумно прикрыть дверь.

* * *

И побежал трусцой Роман Романович Тёмкин, сорокалетний мужик, кандидат медицинских наук, заведующий хирургическим отделением одной из питерских больниц.

Но, пробежав несколько метров, сбавил ход, а потом вообще перешел на шаг и задумался: «Да чего это я, Тёмкин Роман Романович, взрослый мужик, кандидат медицинских наук, и бегу, как мальчик на побегушках, с каких это хренов? Хирург ну, может быть, не от бога, но неплохой, не оперирую, так не всем же оперировать, кому-то надо и руководить. Вон сколько профессоров “от хирургии” оперирует в лучшем случае аппендицит, и то простенький, серозный, чтобы сам из раны выскочил, — пережал, перевязал, отрезал и выкинул. Шейте дальше без меня. Главное — что-нибудь выдать этакое, необычное, ну, какой-нибудь необычный разрез кожи, к примеру поперечно-продольный. И всё! И на медицинский олимп, в касту неприкасаемых, и на всю жизнь! Почет, уважение, награды! А вокруг уже и школа собралась: последователи, ученики, новое слово в медицине, целое медицинское направление... А доктора наук? Лекции студентам читают, книжки умные выпускают. И все почему? Потому что имеют про запас, за спиной, хирурга классного, для которого самое хорошее, самое лучшее, самое любимое — за столом операционным постоять да оперировать в любое время суток. Я-то, Тёмкин, чем хуже? Кандидат наук! Вот нашелся такой хирург Новых — и побежали ко мне, к Тёмкину, в отделение больные со всего города. Очередь. А где очередь, там доход. Личный. И оперировать не надо — денешки сами в карман падают. И что теперь?.. Приструнить, конечно, Новых надо. И эту дамочку выписать. Но чтобы из-за нее и Новых не убежал. Удила закусит и уйдет. Характерец-то еще тот. Переманят. Только пыль останется. И с чем же я останусь? С пылью! За операционный стол сам стану? Засмеют. Прощай, карьера. А из заведующих как-то выбираться надо. Стальевич, конечно, обещает перевести в замы. Но ведь только обещает. Самому-то надо что-то делать. Он, если узнает, что его Никуля со мной спит, — точно выкинет!.. Думай, Рома, думай... Ну мне-то что? Если, не дай бог, конеч-

но, надумает Новых ее оперировать, то я-то здесь при чем? Я за столом стоять не буду. На крючках, что ли? Как Студент? А значит, оперировать будут без меня. Это главный врач пусть трясется: не спасут, снимут со стола вперед ногами — ему капут; не только про Москву, про Питер может забыть. А я что? Ну дадут выговор. И все. Я в Москву не стремлюсь, мне и в Питере хорошо. Вот Новых могут сожрать. Другого-то такого найду ли? Но главное сейчас — не спешить! И начинать надо не с Новых... с Голицыной!»

* * *

Ординаторская хирургического отделения — это, если кто не знает, комнатка такая со столами и стульями, обязательным продавленным диваном для сна во время дежурств. Хотя он, сон, не положен и платят врачам как раз за то, что ночью не спят. Столик с чайником, печеньем и конфетами.

Холодильник, как правило, небольшой, старенький и шумный. Шкаф, где пылятся книги, которые редко читают, так лежат, если что-то вспомнить надо; а за книжечками потайная уже початая бутылочка коньяка, законная, заработанная. Подаренные цветы и конфеты — девчонкам на пост и в операционную, а коньяк — не тронь, святое, с коллегами. И, как заведено, домой этот напиток не несут. Труд-то в хирургии коллективный!

У заведующего свой кабинет. Он к врачам в ординаторскую, как правило, только на пятиминутку утреннюю заглядывает.

Разговоры в ординаторских проходят не только на медицинские темы. Далеко не на медицинские. Там иногда такие политические и другие страсти кипят — что там какая-то Государственная Дума. Тьфу...

Вот и сегодня, после всех операций, осмотра больных, писанины закрючками в историях болезни, чтобы прокурор

не мог разобратъ, доктора расслабленно попивают чаек и ведут непринужденную беседу.

Олег и Алексей — молодые хирурги. Питерские ребята, окончившие пять лет назад медицинский институт и попавшие в эту больницу. А куда они еще могут попасть без денег и без блага? Родители-то у обоих бюджетники.

Они не просто с одного института, но женаты, и имеют детей. И не понаслышке знают, что такое безденежье: когда денег, полученных в аванс, не хватает до получки. Вот и стараются: подрабатывают в поликлинике, дежурят через день. Хоть какая-то копейка в дом. Жены-то у них не в бизнесе — такие же полунищие врачи.

Есть еще один доктор, Виктор, которого все ласково, с интонацией гайдаевских героев, называют «Студент». Он не студент, он уже доктор, окончивший медицинский институт, и с дипломом врача, но он еще не хирург, он интерн — год будет учиться практической хирургии, потом сдаст экзамен и станет врачом-хирургом.

Все они, естественно, сторонники питерской медицинской школы, во всем старающейся спорить с другой школой — московской. Эти споры между столицами не стихают уже второе столетие. И школ-то давно уже нет: старые русские врачи вымерли; которые помоложе да поумней — уехали лечить в другие страны, где труд врачебный уважаем; а спор все не утихает — кто лучше? И хирурги в ординаторской продолжают спорить по каждому поводу и без повода — на любые темы, со смехом, с руганью и до хрипоты.

Для них, еще заставших Грома, его увольнение показалось катастрофой. А приход Новых, и слава одних из лучших оперирующих хирургов города проявилась чувством гордости за свой труд и бахвальством перед коллегами из других больниц. К этой бы славе да денег. Но оба понимали: через несколько лет такой напряженной работы они будут востребованы в любой клинике, включая высокооплачиваемые —

частные. Лишь бы Новых подольше задержался. Лелеял мечту стать хорошим хирургом и «Студент» Виктор, смотревший на Новых восхищенными глазами как на божество и старавшийся во всем ему подражать, даже в походке, интонацией в голосе. «Хвостиком ходил». Правильно и делал. В медицине можно по молодости чего-нибудь достигнуть, если пристроиться хвостиком к умному и талантливому старшему товарищу.

Разговор шел о своем, вечном и наболевшем — о медицине: «У, как вчера московских раскатали на пироговском. Класс!.. Эти, с Первого меда, молодцы!» — «Да, будут знать нашу школу...» — «И не говори... совсем нас, питерских, за врачей не считают...» — «Москва, как много в этом звуке...»

В ординаторскую вошел Новых, положил на свой стол толстую папку с документами и начал внимательно читать и изучать различные справки, выписки, снимки.

— Александр Владимирович, вам чайку налить?

— Ишь ты, — добродушно и весело прошептал Олег, — как Студент перед начальством пресмыкается. Как же, скоро экзамен сдавать — характеристика нужна.

— Налей, налей... Кстати, Студент, прошу прощения, бывший студент, а ныне коллега, еще не надоела хирургия?

— Вроде нет. Нравится.

— А чего тут может нравиться: часами стой за столом, в поту от ламп да еще в дерьме и в крови по уши. И попробуй ошибись — на поклон пойдешь к патологоанатому, прося: «Дружок, ну посмотри повнимательней, не на свой, на наш диагноз». Хорошо, что они — наши ребята: выпить не дураки! Понимают. Все говорят: «Хирургия — искусство!» Ерунда! Ремесло! И тяжелейший труд! Тяжелейший и неблагодарный, — сказал Александр Новых.

Олег возбужденно добавил:

— Да какая, к черту, благодарность! Профессия врача стала самой непопулярной. Одна зарплата чего стоит. Так

что, Студент, у тебя, в отличие от нас, есть еще время удрать или хотя бы поменять хирургию на... косметологию.

— Ерунда, Студент, — включился в разговор Алексей. — Надо всем врачам страны ехать участковыми педиатрами в Москву.

— А почему, Алексей, педиатрами и в Москву?

— Так на днях по центральному телевидению главный врач какой-то московской детской поликлиники сказала президенту страны, что зарплата участковых педиатров в ее поликлинике шестьдесят тысяч.

— Я это тоже видел, — сказал Олег. — Так там же рядом новый московский мэр стоял. Ляпни что-нибудь не так — и по шее, и с должности.

— Ё-моё! Зачем же я в хирурги-то иду? Может, и правда в Москву, педиатром?

— Не переживай, Студент, — продолжил Алексей, — наш губернатор тоже хвасталась, что врачи города получают срок тысяч, а медсестры — тридцать.

— А она не говорила, на сколько ставок надо работать, чтобы получать такую зарплату? — спросил Олег.

— Нет, только гордилась!

— Не понял... Я тут, мужики, прикинул: со всеми своими подработками и дежурствами я такую зарплату не получаю.

— Так ты, Олег, кое-чего не учел.

— Чего?

— Взятки!

— Чьих?

— Чиновничьих!

— Тогда наша зарплата должна быть гораздо больше!..

— Так что не переживай, Студент, хотя бы на словах у тебя будет, а у нас оказывается уже есть приличная зарплата, — сказал Алексей.

Врачи дружно рассмеялись.

— Пока в стране медициной будут руководить сталевары и «бухгалтеры» — медицины не будет! Будут справки, отчеты и липовые лозунги о лучшем в мире медицинском обслуживании. Надо же, какое оскорбительное слово придумали для великой профессии — «обслуживание». Шариковы, мать их!.. — жестко сказал Олег.

— Абсолютно с вами, коллега, согласен! — не отрываясь от бумаг, проговорил Новых. — Не может человек, пусть даже сам по себе неплохой, понимать нашу профессию, если он не понимает, что значит — больной человек. Не может! И не поймет! Он может хорошо считать, хорошо воровать, но руководить врачами он не может. Врачи — это особая каста! И особенно хирурги! А когда они не признают руководство, не считают его своим, не по диплому — по крови, по образу жизни, действий, мыслей, — какое, к черту, это руководство! Больного по книжкам понять нельзя! Думаете, почему есть хирурги — профессора, доктора наук, которые не умеют оперировать? Потому что они больного видят через призму науки, книги, но не души, может быть, даже правильнее сказать «любви»!

— Но и больной изменился. Посмотрите, какой контингент стал поступать: пьянь да рвань! Пошлет подальше, а может и вообще в лицо врачу плюнуть. И все нормально! Понимаете — нормально! Мы что, в эту копеечную профессию шли для того, чтобы нам плевали в лицо? Так что беги, Студент, беги, пока не поздно, и лучше за границу! Там хотя бы платят! — сказал Алексей.

— Вот все говорят: «Надо бежать из этой го...ой страны!» А кто останется? — спросил Студент.

— А останется министр, старый ли, новый ли — никакой разницы. Наш главный останется, и заведующий отделением останется. Вот и пусть лечат! Да, еще пригласят в страну врачей из теперь уже родных и близких южных республик, чего им у нас дворы-то подметать! — ответил Олег.

— Эти — вылечат! Главное — чтобы дешевле для государства было! — добавил Алексей.

— Жди. Для государства, может быть, и дешевле, а вот для больных вред ли. Взятками всё покроют!

— Можно подумать — свои не берут? — сказал Алексей. Новых проговорил, отрываясь от чтения документов:

— Не все. Вот вы, наш молодой коллега, будете брать взятки?

— Ну что вы. Надо честно работать.

Олег, подавился чаем и со смехом:

— Ну и ну, Студент! Люди, ворующие миллионы и миллиарды, считают, что коньяк и цветы врачам — взятка!

— И не говори! У нас как какой-нибудь министр крупно проворуется, так его быстренько от петли наши правители прячут за границей, — засмеялся Алексей.

— Послом! — продолжил веселиться Олег. — Опыт-то есть. Говорят, бывшего мэра, ныне покойного, бывший министр здравоохранения, который теперь по совместительству попом подрабатывает, липовым больным на самолете втихую быстренько отправил за границу, от греха подальше. Не дай-то бог, чего еще лишнего сболтнет.

— И ты в это веришь? Чтобы какой-то начальник военно-медицинской академии — и смог самостоятельно такое проверить? Тут серьезные люди действовали... потому и не сболтнул.

— А может, не успел? — вдруг серьезно сказал Олег.

Интерн Виктор заинтересованно и умно встрял в разговор:

— Это у которого дочка — первая умница и красавица страны?

— Ага... Она и Ваня, русский сказочный персонаж, — наши питерские мальчик и девочка, заполонившие весь телеэфир.

— Да ладно, а медицину кто представляет на телеэкране? Саша-певец, несколько лет потолкался на скорой и вдруг

знаток медицины!.. И дамочка, «юбка-колокольчиком». Это надо же — профессор, врач, а говорит, что у женщин «яишники» Охренеть!

Новых отложил в сторону рентгеновские снимки, потом задумчиво и отстраненно сказал невпопад:

— Это ты, Студент, говоришь, что не будешь брать взятки, пока у тебя семьи нет да у папы с мамой под крылышком... А, кстати, кто у тебя родители?

— На заводе инженеры.

— Не на верфях ли кораблестроительных?

— Да.

— Тогда, Студент, ты мой человек! У меня родитель и все предки по отцовской линии еще с петровских времен корабли строили: вначале топором, потом молотом, потом сваркой. Учи языки, читай, стой на всех операциях, даже если брать не будут, и годика через два-три вали из страны. Таких, как ты, здесь делать нечего.

— Не верь, Студент, Александру Владимировичу, — все также весело продолжил Олег. — Ерунда все это! В России некоторые врачи куда больше зарубежных докторов зарабатывают. Главное — работать в нужном месте в нужное время. Скажем, в Москве взятки больше, чем у нас в Питере, и в разы больше, чем на периферии.

Новых проговорил зло:

— На «периферии», как вы выражаетесь, молодой коллега, живут нормальные люди и работают отличные врачи, которые, к вашему сведению, не берут взятку. Так что истинное лицо страны не здесь, в столицах, а там — за кольцевыми дорогами. Возмущает не то, что все: от правительственных чиновников до заведующей в садике и нашего брата-врача — берут взятки. Омерзительно — с каким цинизмом они берутся!

Спор продолжился: «Тогда надо узаконить платные медицинские услуги! И не надо никаких взяток. Заплатил — и получи». — «Ой! Не смейся! Ты, Студент, с Луны, что ли, упал?»

Платные услуги! Гражданин приходит на платную операцию, оплачивает, а с него доктор вторую цену берет». — «Так он же платный?» — «А врачу-то от этой официальной платной медицины — дырка от бублика. Денежки-то получает главный врач со своими приближенными. Много мы получили за то, что платных больных вместо нашего заведующего оперируем?» — «Ничего. Я же на голом окладе, даже не в рабочем — интерновском». — «Вот и мы — ничего!» — «Так что же получается: при официальной платной медицине больной платит дважды?» — «Получается». — «Но есть же система обязательного медицинского страхования?»

По ординаторской прокатился дружный хохот.

«Ну ты даешь, Студент! Чем только вам голову сейчас в институтах забивают! Но чувствуется — всякой чепухой! Придумали конторы: фонд обязательного медстрахования, страховые компании. Зарплаты — во! Дёла — ноль! Да еще они же и решают, плохо или хорошо врачи работают. Штрафуют. Смех: бездари штрафуют практикующих врачей! Ты, Студент, когда с ними столкнешься, обрати внимание, кто у них эксперты. Боже! Вся никчемность собралась в этих страховых компаниях. Но зарплата там — тебе и не снилась. И если они тебя оштрафуют, то выпишут себе премию! Наша российская система обязательного медицинского страхования — это еще одна созданная безграмотными правителями система для распиливания денег, но не государственных, а напрямую — народных!» — «Почему народных?» — «А потому, что взносы в этот фонд — это тот же налог, и он вложен в стоимость колбасы, масла, детского питания и всего, что люди покупают. Так что, кто оплатил эту новую бесплатную медицину? Правильно — мы с тобой! И эти полтриллиона рублей, о которых на каждом углу героически кричат крикуны из Думы и сам знаешь еще кто, — тоже мы с тобой да такие, как мы, и оплатим! Нефтяные-то денежки не тронь. То — святое! Говорят, что инфляция вырастет, если нефтя-

ные денежки тронем. Какая, к черту, инфляция может вырасти, если эти деньги направить на ремонт больниц, покупку оборудования и лекарства? Для этого никаким экономистом не надо быть. Они же с неба свалились». — «Этих людей бессмысленно о чем-то просить. У них своя логика. Надо быть просто людьми, любящими свой народ». — «Этого-то и не хватает чиновникам да депутатам всех рангов». — «И Минздрав тоже еще та контора. Мне пришлось как-то решать вопрос по госпитализации приехавшего родственника в федеральную клинику. Разговариваю с коллегами в клинике. Они говорят: «Да, нуждается ваш родственник в лечении у нас в клинике, и чем раньше положим, тем лучше. Но мы работаем по квоте. И койки свободные есть, и лечить готовы, но не имеем права — только по квотам Минздрава!» Поехал я в Москву, в Минздрав; нашел кое-как нужный департамент. Народу за этими квотами — как за водкой при Горбачеве, и почти все с детьми. Чуть не на коленях просят, умоляют: «Дайте, пожалуйста, квоту!.. Дайте квоту!.. У меня ребенок умирает!.. Я с Приморья приехала с ребенком. Мне там не дают квоту... И нам, в Тамбове, тоже не дают». Народ со всей страны: от Владивостока до Калининграда, кроме сами знаете каких республик. У них проблем с квотами почему-то нет. Плач, рыдания, истерики. А там обед у чиновников наступил. Стоп, машина! Вот тут-то я и наслушался, что народ простой говорит: и о здравоохранении, и о врачах, и о Минздраве, и о правителях. Спичку поднеси — взорвется все!.. Я, конечно, свою проблему решил — врач все-таки. Но на всю жизнь запомнил этих страдающих и унижающихся женщин с детьми. Вот такую ныне систему здравоохранения построили!» — «Что же получается: клиники могут и готовы оказывать помощь, а не имеют права?» — «Правильно. Стоят клиники, пока чиновник в Москве не решит вопрос о выделении квот. Стоят!.. А больные ждут и умирают! Или просят, как подавания, денег на лечение своих детей. Рехнуться можно —

у нашего по крышу заваленного нефтяными деньгами государства нет денег на лечение своих же граждан! Своих детей! Или, может быть, эти дети не свои?.. Чужие?» — «Так чего же делать-то?» — «Расстреливать!..»

Олег возбужденно, с дрожью в голосе подвел итог дискуссии:

— Медицине нашей диагноз один — обширный инфаркт!

Раздался общий горький смех...

— Александр Владимирович, вы лучше скажите, как научиться так ювелирно оперировать? — спросил Виктор-Студент.

— Наш бывший заведующий, Иван Иванович Гром, тоже был хирургом от бога, — добавил Олег.

— Почему был? Бывших хирургов не бывает: или хирург, или просто врач. А что до ювелирности, то плохо тебя учили, Студент. Был такой знаменитый хирург Юдин Сергей Сергеевич. Вот он да — ювелир был! Руку в брюшную полость введет — большим пальцем печень ощупывает, мизинцем — органы малого таза. Он одновременно на пальцах во время операции держал несколько инструментов. И при этом еще и узлы вязал... Лучшим хобби для хирурга считаю вязание на спицах. Вяжите свитера и шарфы себе и своим родным. Моим учителем был Гром! Он-то и сделал из меня хирурга. Посредственности не должны учить других врачебному ремеслу. Слишком дорого! Для людей... Хочешь, Студент, стать хирургом — учись шить и вязать узлы! Основа хирургии — скорость... Скорость мыслей, скорость действий!.. И опыт!.. Кстати, давайте съездим всем коллективом к Ивану Ивановичу. Давно что-то мы у него не были. Нехорошо. Как-никак для вас он пусть бывший, но шеф, а для меня — старший товарищ. Учитель!

— Да уж, не нынешний заведующий! — сказал Олег.

— Правда, давайте съездим. Я при нем мало работал. Но все равно помню: крут был, но справедлив. И оперировал... Вам бы, Александр Владимирович, на пару с ним опе-

рировать: вот тандем бы получился — залюбуешься! А мы бы в наше удовольствие на крючках постояли да восхищение выразили. Я правильно говорю, Студент?

— Правда-правда, Алексей. Я Грома не знаю, но интересно было бы посмотреть, как он оперирует. Кто лучше?

Новых заинтересованно поднял голову.

— Золотые слова ты сказал, Студент. В нужное время в нужном месте! Не в этом ли возможное решение проблемы?..

— Вы о чем, Александр Владимирович? Я сейчас испарюсь от похвалы.

— Да так, я о своем.

— Александр Владимирович, — спросил Олег, — что это за больная в платную палату поступила? Говорят, ваша. Будете оперировать или на обследование? Крутая — около двери охрана. Наталья рассказывает, что подступиться к палате не может: чуть ли не пропуск требуют.

— И я ее мельком видел, когда в отделение поступала. Что это за больная? Где ее так запустили? Одни глаза, и живот как у беременной. Я думал, у нее водянка. Для пункции поступила? — тоже спросил Алексей.

— Она моя давнишняя знакомая. Просит, чтобы я ее вылечил. Все отказали. Все!.. Вот смотрю документы и понять не могу: почему раньше не оперировали? Боятся непонятно чего. Ведь ясно как божий день — она умрет без операции. Умрет от голода и интоксикации! В брюшной полости все органы сдавлены. Вот же анализы. Чего гадать?

— Не берутся у нас — тогда, если деньги есть, надо ехать за границу, — предложил Олег.

— Была. Не взялись!

— Тогда зачем вы беретесь? Если что — сожрут!

— Надо лечить, если есть хотя бы один шанс! — вдруг крикнул Виктор.

— Помолчи-ка, Студент! Шанс, шанс! Какой, к такой матери, шанс? Труд здесь нужен огромный и удача. Ну ничего

не меняется в институтском преподавании: лечите до смертного конца! Надо людей научить и самим научиться, что главное — до этого самого конца не доводить, — зло ответил Новых.

— Вы, Александр Владимирович, с шефом-то согласовали? Он вообще в курсе? — спросил Олег.

— В курсе чего? Операции? Так ведь если оперировать, то мне, а не шефу. Мне и нести ответственность. Доложим, конечно, куда мы денемся.

— Не скажите. Стружку-то в случае чего с него снимут. А он ее, стружку, ой как не любит.

— Интересно, кто ее любит? Да, мне кажется, он мужик неплохой. Не скажу как о хирурге, но как заведующий — неплохой. Не давит.

— Ну-ну! Не спешите! Пока вы ему нужны, то он в лепешку разобьется, а если не по нему — извините! Не давит? Потому и не давит. Жаль бывшего заведующего. А как главный врач умерла, земля ей пухом, — новый Грома сгрыз и «ушли» мужика на пенсию. Возраст, конечно, за семьдесят. Так на пенсию бюджетника кто прожить-то сможет? До смерти за столом операционным стоят!

— А я кое-что про нашего заведующего знаю. Студент, закрой уши... Ребята при встрече, за пивком, рассказывали. Хирург он никакой. По блату — в институт, потом по тому же блату — в клинику. Защитил диссертацию на какую-то мутную тему типа «Влияние занятий гиревым спортом на девушек до шестнадцати лет». Но выгнали его, говорят, за взятки. В общем, фруктик еще тот, — сказал Олег

— А разве такие диссертации бывают?

— Ушки все-таки не закрыл, Студент. Еще и не такие диссертации бывают. Прочитаешь название — и рыдать хочется. И все нормально, проходят без единого черного шара. А тебе, Студент, надо поменьше слушать разговоры старших.

— Еще раз напоминаю — я не студент! Интерн. Мне что, каждый раз выходить надо?

— Нет, ты уши закрой и сиди... Как же он взятки-то брал? Наверное, с девушек до шестнадцати лет — натурой! Во время занятий гиревым спортом! — засмеялся Алексей.

— Ну ты даешь! Взятки в первую очередь берут те, кто не лечит. За посредничество или за свою должность!

— Лучше есть белый хлеб в обществе, чем черный в одиночестве! — серьезно сказал Алексей.

— Хватит молодежи с пути истинного сбивать! Вы, Олег, считаете, что шеф откажет? — спросил Новых.

— Не знаю. Может, и побоится. Без вас, Александр Владимирович, он таких денег никогда не заработает. Переговорите с ним. Но то, что к главному побежит, — это точно. Он без его согласия шагу ступить не может. Повязаны они чем-то.

— В этом я с вами согласен. Главный наш — мутный человек. Непонятно, что делает этот москвич в нашем городе. Все в Москву бегут, а этот — к нам. Тут что-то не так.

— Александр Владимирович, а можно вам вопрос задать не на медицинскую тему?

— Попробуй, Виктор.

— У меня такое ощущение, что вы не любите свой родной город? Он вам как будто чужой?

— Я, как и вы, очень люблю свой город. Но я не люблю нынешний Петербург! Я не люблю, что старикам и женщинам перестали уступать место в метро. Я не люблю грязь на улицах. Когда я иду рано утром в понедельник на работу по Александровскому саду, то вижу, во что он превратился за выходные дни: разбитые и перевернутые скамейки и урны, на дорожках и в кустах банки, бутылки, пакеты, остатки еды... И это в центре города! В моей молодости бумажку мимо урны нельзя было бросить; а чтобы на скамейку да с ногами... Морду бы набили! А ведь это делают не инопланетяне и не «попонахавшие тут» ребята в тубетейках; эти-то, в отличие от горячо любимых властью «лиц особой национальности», вообще всего и всех боятся. Да, пусть хреново, но город как раз они

и убирают. Посмотрите вокруг — кто метет? Они! Убери их, и тогда придут наши — последние остатки из разоренных и брошенных деревень. И вместо уборки из ненависти к красоте эти скамейки просто так, по пьяни, и ломают. Нет, эту свалку и грязь делают те люди, которые днем восхищаются городом и перед всеми хвастаются, что они живут в городе-музее, лучшем городе мира, культурной столице... Какая столица?!. Всему этому одно название — «Петроград!» Культура не только в зданиях, картинах и книгах, но и прежде всего в людях — «разруха в головах», по Преображенскому. Раньше ленинградца в любой точке страны узнавали по поведению. А как их везде уважали за вежливость, за культуру речи! Гордились — ленинградец! Нынешними — нет!.. Мне не нравится и эта показушная любовь нынешних властей к городу. И это идолопоклонство перед руководителями страны. И живем не с любовью — с ненавистью!.. Мне непонятно, зачем в нашем городе Конституционный суд, когда в этом здании место для музея, например, современных молодых художников. Чего они со своими картинами по закоулкам или в лучшем случае по брошенным заводам мыкаются? Я как ленинградец вообще не хочу для своего города каких-то мифических столичных функций. Они нужны чиновникам для их престижа, а простым гражданам ни столичные чиновники, ни столичные полномочия даром не нужны...

— На севере что — все по-другому?

— Было. Теперь, Алексей, то же самое. По всей стране... грязь! Ладно, поговорили... Спасибо, Виктор, за чай.

— Так вы же его не пили!

— Главное — уважение.

Новых вышел из ординаторской. Врачи продолжили разговор: «Странный Александр Владимирович сегодня. Смотри, как разошелся! Прямо коммунист или либерал-демократ! Достали мужика. Может, что дома? Я с ним разговаривал. У него одна мать, старенькая. Он после смерти отца приехал. А так,

говорят, огромной величиной в нашем деле был — ведущим хирургом целого края на севере. Скучает дико... А насчет города — он прав». — «Извините, но не пойму я: вы старше меня всего-то на пять лет, а такие умные, как будто прожили больше лет на десять. С Александром Владимировичем спорите на равных». — «Виктор! Эти пять лет выбили из нас всю радость безмятежной студенческой жизни. Я забыл, когда в кино последний раз ходил. Все работа, работа, работа. Семья! Дети! Деньги, которых вечно нет». — «Не женись, Студент. Выучисься — и быстро беги!»

Дальше пошел привычный разговор: где, что, почему продают, как дожить до зарплаты, какие у кого больные, кто с кем и когда хорошо посидел в пивном баре...

Зазвонил телефон.

Олег поднял трубку.

— Да, Роман Романович... Нет... Вышел куда-то... Хорошо, передам... — положил трубку и обратился ко всем: — Ну что, накаркали! Чует мое сердце — по этой больной шеф вызывает! Точно!

— Учись, Студент! Сейчас начнется! — сказал Алексей.

— А что может начаться? Если решили оперировать, то надо оперировать.

— Ты что, спал? Слышал же: для всех она неоперабельная больная, даже для федералов. Нашим начальникам такой героизм не нужен — слишком большой риск для собственной шкуры.

— И что, они могут запретить оперировать?

— Напрямую вряд ли. Но надавят. Точнее, раздавят...

Пошли, Олег, покурим.

— Пошли.

— И я с вами.

— Ты же, Студент, вроде не куришь?

— А я хвостиком. Как говорит Александр Владимирович, «иди, даже если гнать будут».

— А ты, Витя не так-то прост. Далеко пойдешь!..

Новых тихо вошел в палату. Лиза открыла глаза.

— Не спишь? Как себя чувствуешь?

— Я уже не помню, когда так хорошо и легко спала.

— Лиза, ты бы сказала, чтобы эти охранники, или кто они, ушли. Стоят как атланты, только руки вниз: прикрывают одну очень важную жизненную вещь... (Лиза засмеялась.) Ты их где нашла — в кремлевском полку, в охране президента? Им бы хирургами... стоять умеют... (Опять Лизин смех.) Наши больные старушки вначале шарахались от них, как черт от ладана. А сейчас понесли чаек в кружках да сушки с сухариками — мол, поешьте, сынки! (Лиза продолжает смеяться.) Если утром все говорили, что большую начальницу в больницу положили, то сейчас говорят, что какую-то особую преступницу. А эти ребята у двери — переодетые милиционеры. Прошу тебя, если можно, убери их. Не пугай народ.

Лиза, сквозь смех:

— Боже! Я сейчас рожу! Не помню, когда я вообще-то смеялась. А так! Я приехала сюда спать и смеяться? Вот хорошо бы было.

Александр присел на край кровати. Смотрит внимательно на Лизу.

— Давай поговорим.

— Подожди, дай мне сказать. Приходил ваш заведующий отделением. Весь какой-то верткий, все кругом да около: «Почему к нам?.. Может, в другую клинику... А откуда вы знаете врача Новых?.. А ваш муж правда вице-премьер?.. А он знает о вашей госпитализации?.. Вы подумайте, мы окажем вам действие в переводе вас в другую клинику... Главный врач очень беспокоится за вас и ваше здоровье. Он сейчас на совещании, но обещал, как только освободится, сразу к вам прийти...» Даже как-то мельком живот мой посмотрел. Но не приоткрылся! Такое ощущение — побоялся!

— Чего ему-то смотреть... Но давай все-таки поговорим о тебе.

Лиза сразу съежилась, сникла. Тихо и как-то безучастно проговорила:

— Давай.

— Я посмотрел все твои документы. Хочу тебе сказать, что я в жизни не видел, чтобы одного человека так обследовали: раз за разом и одно и то же. Заключение, конечно, хитрые, обтекаемые. Посмотрел и наши анализы... Что с тобой? Тебе плохо?

— Нет, — ответила Лиза сдавленно. — Ничего. Говори. Я готова!

— Готова? К чему?

— К неизбежному. К смерти!

— Почему к смерти?

— А о чем ты еще хочешь со мной говорить? Отказываешь? Поздно?

— Теперь послушай меня внимательно. Я могу ошибаться, но... тебя надо оперировать. И думаю, исходя из всего, что я вижу, из своего опыта, у тебя опухоль сальника. Громадная опухоль. Потому ты и живешь. Никакой большой с раком органов брюшной полости три года без операции, без химии, без облучения прожить не может. Такой величины опухоль... и раковая? Не верю. Это мое мнение. Но тебя надо оперировать, и как можно быстрее: времени у тебя не месяцы, не недели — дни. Опухоль давит на все органы брюшной полости: через желудок и печень давит на диафрагму, а через нее — на сердце и легкие, отсюда сердечная недостаточность, одышка и это полулежачее положение; опухоль давит на селезенку и, что особенно плохо, на почки. Потому такие анализы крови и мочи. Идет нарастающая интоксикация организма. Об органах малого таза я не говорю. Но... увеличиваясь, она... не прорастает в другие органы! Это главное... Лиза! Тебя надо срочно,

повторяю — срочно, оперировать! Это твой шанс! Единственный! Надо убрать опухоль!

Лиза заплакала навзрыд.

— Ну что ты плачешь?

— Наверное, от счастья.

— Но я не сказал главного.

Лиза опять затихла, съежилась.

— Что-то не так?

— Это очень, очень тяжелая операция. Учитывая твоё состояние, шансы невелики. Необходимы классные хирурги и великолепные анестезиологи.

— Я хочу, чтобы ты меня оперировал!

— Лиза, подумай: в стране, в Москве, за границей есть великолепные оперирующие хирурги. Конечно, у нас в больнице хорошие молодые хирурги. Амбициозные. Но этого мало. В твоём случае нужна скорость, скорость и колоссальный опыт.

— Хватит мне этих врачей. Я хочу, чтобы ты меня оперировал ты!.. Прошу тебя!.. Ну хочешь, я на колени стану?.. Может быть, Бог послал в этот последний момент именно тебя... — И уже кричит: — Я умоляю тебя — оперируй!

В дверь заглянул охранник.

— Елизавета Сергеевна! Что-то случилось?

— Закройте дверь!..

— Лиза, спасибо, что ты мне доверяешь, но необходимо твоё письменное согласие.

— Да я хоть кровью распишусь!.. Саша, оперируй! Ну пожалуйста, Александр Владимирович!..

Лиза опять заплакала.

— Ну вот, снова слезы. Прошу тебя, не надо... Хорошо, Лиза, я сделаю все, чтобы тебя спасти. Все... Приляг... Успокойся... Я хотел с тобой поговорить еще кое о чем... Можно?

— Что значит «можно»? Говори.

— Лиза, скажи мне: кто ты? Почему все так бегает вокруг тебя? Эта охрана... Машина...

— Да, а я думала, ты сразу, еще во время звонка, догадался... по фамилии. И думала, что ты знаешь, как я живу. Лелеяла надежду.

— У тебя красивая фамилия.

— Я жена вице-премьера правительства Голицына Алексея Иосифовича.

— Да?.. Тогда... понятно.

— Что «понятно»?

— Боюсь, что придется согласовывать операцию не с ведущим, а с твоим мужем. И, думаю, это во многом объясняет такое твое лечение... Они боялись твоего мужа!..

— Я об этом думала. Смотрели на меня, а видели его. Теперь уже поздно. Я что, должна обвинять в этом мужа? Саша, решение об операции принимаю я. А я его приняла.

— Хорошо, Лиза. Скажи, а давно ты замужем за Голицыным?

— Как мы тогда расстались, так через год и вышла замуж. Он тогда бизнесменом крутым был. Я молодая была: такая, если ты помнишь, дура. Меня даже из университета хотели выгнать, за пропуски. Все время с тобой, здесь, в Питере... Отец спас... Ты куда-то уехал, я узнавала. Родители давят... И вышла... Он очень хороший. Он меня очень сильно любит... У нас сын.

— А ты его?

— И я его очень сильно... уважаю.

— Уважаешь?

— Да... А как ты? Мне твою фамилию называли, когда я... туда собралась. Знаешь, как я тебя нашла? Я, понимая, что мне уже все, покрестилась — ну, чтобы отпевали как православную, когда умру. Чтобы к Господу чистой прийти. Я особо и не грешила: мужу не изменяла, хотя возможностей было... хоть отбавляй. Любовь одна была — ты! Я этого никогда и не скрывала... Дом — полная чаша. Деньги не считала. Ездила куда хочу и когда захочу. Одевалась

в Париже и Лондоне. Там у нас квартиры, с видом на Сену и Темзу... Сын оболтус, золотая молодежь, учится в спецшколе при университете международных отношений. Там они все, нынешние. Мода. Богема. Элита. Я его очень сильно люблю. Сергеем, в честь моего отца, назвали... Все было так хорошо, так удобно — и раз, в минуту все полетело прахом. Одно слово — и все, нет человека. Остаются только страдания и ожидание... Честно, я уже смирилась. А мой духовник, когда я к нему на причастие пришла, сказал, чтобы я искала утешение и защиту не в Боге и церкви, а внутри себя, в своем прошлом. Так вот священнослужитель и сказал. Меня как обухом по голове — тебя вспомнила. И началось. Подруга звонит, говорит, что в Питере есть уникальный хирург, все к нему стремятся, и назвала твою фамилию. Вот так я тебя и нашла... А ты предлагаешь, чтобы я оперировалась где-нибудь еще. Тебя мне Бог послал. Сжалился, наверное, в последний момент.

— Лиза, ты должна понимать, что это не просто сложная, это тяжелейшая операция. Тебя даже оперировать придется в таком, полулежачем, положении.

— А чего я должна бояться? Смерти? Да, страшно, но я к ней давно готова!.. Расскажи мне лучше о себе.

— Чего рассказывать? Ты ушла — я и пропал. Начал пить, причем по-черному. Выгнать решили с работы, да заведующий хирургией Гром Иван Иванович, старик правильный, позвонил своим друзьям на север, чтобы приняли. Я и уехал. Родители поддержали: испугались за меня. Спас Гром меня... Я думал, ну на годик-два — и домой. Работал сутками, весь край вдоль и поперек объездил. Транспорт любовью, на выбор: от вертолета до оленьей упряжки. Там тысяча верст не расстояние. Оперировал день и ночь. Опыт получил колоссальный. Стал ведущим хирургом края. Правда, это не мое. Мне бы оперировать, лечить, а не командовать. Так вот и вылечился... от вина.

— И от меня тоже?

— Наверное, и от тебя... Тут отец умер. Мать ни в какую ко мне ехать не захотела: «Муж здесь, значит, и мое место здесь, здесь и помру». Старенькая она. Бойтся наших пространств: всю жизнь в коммуналке, в «колодце» на Петроградке, прожила. Даже маленький садик с соседкой посадила. Представляешь: вокруг старые дома, проходные дворы, небо где-то кружком наверху — и вдруг клумбочка с цветами и деревцем... Отец, тот ко мне приезжал часто. Как приедет, съездит со мной отдохнуть в тундру или тайгу — и давай ругать своих предков: какого, мол, черта подались на петровские верфи, лучше бы пошли в кабалу к Демидовым. Восхищался севером! Умер, и пришлось вернуться... Если что — сразу уеду обратно. Не могу я здесь, на материке — душа простора, воли хочет. Там все по-другому: люди другие, отношения между людьми другие, отношение к жизни другое, деньги другие — легкие, даже понятия нет о взятках; единственный, наверное, честный народ в России остался — так это в Сибири и на севере... А тебя родители часто вспоминали.

— Нехорошими словами.

— Нет, не удивляйся — с любовью. Мать все спрашивала: «Не знаешь, как там Лизанька наша?» Они тебя так называли и считали своей.

— Как я тебе завидую! Так бы взяла и поехала. Никогда нигде не была в России дальше Питера да Золотого кольца; ну, еще Сочи и Крым. Но это так, в удовольствие, если захочется к подружкам или у мужа путевка обязательная, правительственная.

— Поехали, Лиза. Вот вылечишься — и поехали.

— Смешно, но я подумаю. Вылечи меня. Поеду... А что скажет твоя жена?

— Ну, здесь все проще — я не женат. Точнее, был, но разошлись, еще точнее — ушла. Правильно и сделала: кому

нужен муж, для которого работа — всё, а семья — почти ничего. Хорошо детей не завели.

— А еще зовет. Что там делать? Ждать?.. Я очень жить хочу! Очень хочу, Саша!.. Расскажи мне немножко о своем севере, пожалуйста... Я буду тихо лежать, как раньше... и буду слушать тебя.

— Хорошо, Лиза... Там другая земля!.. Не увидишь, не проживешь — не поймешь!.. И две крайности: полярный день и полярная ночь.

— У вас в Питере тоже белые ночи.

— Нет, это совсем не то... И весна там начинается не в марте и не в апреле, а в середине января, в полярную ночь, когда утром — ночь, днем — ночь, вечером — ночь, и вдруг где-то там, не на горизонте, за горизонтом, полыхнет красным и пропадет, и с каждым днем эта краснота все дольше и дольше, секунды, минуты и... над горизонтом в морозный день появляется, совсем ненадолго, багровый кусочек солнца. И ты понимаешь — все, зима кончилась, наступает новая жизнь. Такое необыкновенное чувство восхищения, чувство удивления и радости. Зима еще будет длиться четыре месяца, с морозами, с метелями, а на душе такая необыкновенная радость. Весна здесь (Александр прижал ладонь к своей груди) — в душе!.. А солнышко красное в морозном воздухе поднимается все выше и выше, и вдруг прыг — и оторвалось, и покатило, как мячик, по небу!.. А там июнь и весна, и солнце подскочит, скатится до горизонта, стукнется об него и обратно вверх. Ночью — день! И по огромной реке ледоход — берегов не видно. И небо голубое-голубое отражается в этом бескрайнем море воды, и кажется, что лед не по воде — по небу плывет. Небо вверху, небо внизу. Во круг небо! И по этому небу черточки, черточки, черточки: сотни гусей летят туда, к океану, в тундру, на острова. Тысячи километров летят, чтобы новую жизнь дать... Я много раз с друзьями был на охоте и, представляешь, не убил ни одной

утки, ни одного гуся. Рука не поднимается: как убить тех, кто летит сюда через моря и континенты? Летит для любви, для продолжения рода!.. А в тундре — парящие розовые от полуденного солнца сопки, снег в ложбинах и тишь такая, не кричать, шепотом говорить страшно — тишину разбудишь... И вот там, среди этих пространств, среди этой первозданной красоты, начинаешь понимать, что такое вечность... Или когда летишь по санзаданию в какой-нибудь поселок летом, в полярный день-ночь, и смотришь в иллюминатор, а под тобой — переливающаяся от зеленого до коричневого и фиолетового цвета тундра, и бесчисленные изгибы рек и речушек, и мириады отражающих ночное солнце, как множество осколков разбитых зеркал — озёра, озёра, озёра!.. Часами летишь — и все такая сказочная картина. Зимой же, в полярную ночь, наоборот, все черно и только иногда вдруг внизу промелькнет факел нефтяной вышки — и опять чернота. Или по борту и почему-то ниже вертолета — огромная луна и звезды или переливающееся всеми красками, бегущее, заворачивающее немислимые спирали северное сияние. Все небо светится! Ощущение, что ты не на Земле — в космосе!.. Вот такой он — север!

— Как хорошо!.. Какой ты, Саша, счастливый... и одинокий.

— Ну вот, слава богу, слезы прошли... Отдыхай!.. Я пойду согласовывать дату операции. Хорошо бы на послезавтра. Ты мужу сообщи, ладно? И, если можно, убери охрану.

— Убрать? Это будет труднее, чем ты думаешь. По статусу положено. Только с согласия мужа. Но я решу... Я такая счастливая... и такая уставшая.

— Вот и отдыхай. Я пошел. Еще зайду. Расскажу, как идет подготовка к операции. Придет анестезиолог посмотреть — не таись, говори все как есть. Для него ведение такой больной — подвиг! Он из старых, настоящих и, как и положено, очень умных евреев. Ты не удивляйся ни его вопросам, ни поведению. Таланты, они все с причудами.

— Хорошо.

Александр, взяв в свои руки Лизину ладонь, долго смотрит в ее глубокие, как омут, полные страдания и печали глаза.

— Отдыхай! — и вышел из палаты. Посмотрел на стоящих охранников:

— Я скажу старшей медсестре, чтобы вам стулья принесли и место для сна организовали. Ей-богу, кремлевцы!

— Спасибо!.. За стулья. Но спать нам не положено...

* * *

Заведующий отделением Тёмкин Роман Романович, вызвав к себе в кабинет Новых, сидел за столом и обдумывал, как построить встречу с хирургом. Думал-думал, да так ничего и не придумал. Решил — по ходу разговора. Боялся он этой встречи. Из-за какой-то бабы, пусть даже премьерской, — и хирургию рушить. Ну не хирургию — карьеру и деньги!

— Садитесь, Александр Владимирович. Я пригласил вас, чтобы узнать: для чего госпитализирована больная Голицына?

— Ее необходимо оперировать.

— А почему у нас? Что, нет других больниц?

— Есть. Только отказываются.

— А мы, значит, добренькие — не отказываемся?

— Я не очень вас понимаю, Роман Романович: что значит «добренькие»? Человек нуждается в оперативном лечении, и мы должны оказать ему всю возможную помощь. Такова наша работа.

— Ну, вы так уж сильно-то не говорите — я не хуже вас знаю наши профессиональные обязанности. И если сказать высокопарно, то клятву советского врача я, как и вы, тоже давал. Но есть еще и знаменитое гиппократово «Не навреди!» Это как?

— Ну при чем здесь Гиппократ? Как раз наше бездействие и может оказаться вредным, а точнее — смертельным!

— Я, к вашему сведению, ее очень внимательно осмотрел. И как вы представляете удалить эту гигантскую опухоль? Хотя, может быть, это и не огромная опухоль, а водянка? Тогда не надо оперировать — пунктируйте, и домой. А если и опухоль, то мы-то что можем? Ей все клиники отказали, а мы, герои, возьмемся? Как, скажите на милость?

— Роман Романович, я и не спорю — опухоль огромная. В том, что она не злокачественная, у меня сомнений нет: был бы рак, давно бы на том свете была. А так — три года! Надо было сразу, как определили, взять на стол, и, может быть, уже бы и не вспоминали ни о какой болезни. То, что не водянка, ясно. За нее нет никаких данных. Сейчас, когда опухоль занимает всю брюшную полость, будет невероятно трудно оперировать. Кровью зальемся. Да и оперировать придется при особом положении больной. Я предлагаю: две бригады хирургов и две анестезиологов. Оперировать, если вы не возражаете, буду я. Она — моя больная. Ассистентами — вы и врачи отделения; «на крючках» дополнительно интерн Виктор, неплохой парень, вырастет, может хорошим хирургом стать: есть и желание, и задатки. Инструмент, особенно зажимы, шовный материал весь собрать. Операционных медсестры две. Проще говоря — всем отделением!

— А если не оперировать?

— Она умрет от голода и нарастающей интоксикации. Я удивляюсь, что она еще жива.

— Да откуда вы ее откопали? Она же жена вице-премьера страны! Вы это-то знаете? Вы-то, вы-то с какого бока?

— Не всегда же она была женой вице-премьера. Она моя хорошая знакомая.

— Да?.. А вице-премьер-то знает об этом знакомстве?

— Вы что себе позволяете, Роман Романович? Извинитесь!

— Ну-ну, не обижайтесь, я ничего не хотел сказать плохого. Конечно, извините... Но зачем она нам? Зачем нам эти проблемы? Пусть ею муж и занимается, он же может все — у него власть!

— При чем здесь муж? Если ее сейчас не оперировать — она умрет. Умрет от нашей бездеятельности, страха, инструкций и еще черт знает чего.

— Я вас, Александр Владимирович, уважаю, но никак не возьму в толк: почему она должна оперироваться у нас? Пусть муж ее везет за границу — для него же это раз плюнуть! Ну зачем у нас? Вы понимаете, что с нами будет, если мы возьмем ее оперировать и не справимся? А мы не справимся!.. Я, к вашему сведению, тоже не первый год в хирургах. И, между прочим, если вы не знаете, кандидат медицинских наук.

— Если я правильно вас понимаю, вы против операции?

— Вы меня правильно поняли. Я не могу вам запретить, но я против операции в нашем отделении. И вас прошу — давайте еще раз ее обследуем и тихонечко, без скандалов выпишем. Посоветуем мужу, чтобы через министерство направил ее на лечение в другую клинику.

— То есть мы должны ей отказать? Правильно?

— Ну вот, наконец-то вы меня правильно поняли. Слава богу, договорились!

— Извините... Не договорились. Я так не умею: взять и отказать! Не умею! И не буду! Папа с мамой не научили. Поздно переучиваться... Хотите выписать — идите и сами скажите, что ее выписывают. И мужу ее, который, как вы говорите, большой начальник, объясните, что не можем мы ее лечить... Вы не можете! Сами и объясните!

— А вы уверены, что ее муж согласен на операцию в нашей-то больничке? И не зарывайтесь! Это ваша обязанность — объяснять! Она ваша больная.

— Лечить — да, моя обязанность. Отказывать — нет! У нас есть противопоказания к операции? Нет. Чем раньше возьмем, тем удачнее исход. Почему не мы? У нас для этого есть все: хорошая операционная, современный наркоз, врачи и, наверное, главное — желание спасти ее.

— Это у вас есть желание. Вы, пожалуйста, за всех-то не говорите. Лично у меня желания даже ассистировать нет. Не буду я помогать вам в вашем непонятном упорном желании оперировать эту, как ее... Голицыну здесь, в моем отделении. Я — против!

— Почему в вашем отделении? Это городская больница. Не частная лавочка. И пусть это будет моим желанием, но это желание врача — желание спасти человека! Высокопарно — да! По сути — нет! И увольте меня, но не предлагайте мне отказывать больным в помощи.

— Ну-ну, успокойтесь! Я как врач прекрасно вас понимаю и скажу вам без утайки — это не мое решение. Ну поймите вы, я же человек подневольный. На меня тоже давят, да еще как давят.

— Да плюньте вы на них, пусть хоть удавятся — лечить-то нам. Нам с вами!

— Это вам так кажется. Вам легко говорить. А на моей шее отделение, больные, врачи, медперсонал, оборудование, инструментарий, зарплата, выбивание премий... А вы — легко!

— Разве я сказал, что легко? Я говорю: мы как врачи должны делать все возможное и невозможное. На то мы и врачи!

— Ну что вы тянете нас за собой в тюрьму? А все это кончится тюрьмой!.. Так вам-то все равно — врачом и там будете. А мне что прикажете делать? Медсанбатов тюремным руководить?

— Там не медсанбат, там медицинская часть, и работают там военные врачи.

— Ишь ты, подкованный! Что с вас возьмешь, северян? У вас же там что ни город и поселок, то лагерь или тюрьма.

— Глубоко ошибаетесь, товарищ Тёмкин, там живут прекраснейшие люди, таким, как вы, не чета!

— Так и сидели бы там — зачем к нам, в Петербург, *приперлись?*

— Не хамите! Могли бы и справку навести: мои предки с основания города здесь... корабли строят! А вот вам в этом городе, по-моему, делать нечего.

— Всё! Заканчивайте с вашей больной: посмотрели, обследовали, полюбовались, ну и хватит. Выписывайте! Вам что, славы не хватает? Как же — оперировать жену самого Голицына! То, что помрет, — ерунда! Главное — слава!.. Да, вы хороший хирург. И я этого не отрицаю. Но этого мало! Неужели вы не понимаете, что она умрет у вас на столе? А она — умрет! И не один вы будете отвечать! А в большей мере я и Рудольф Стальевич. Вас-то в лучшем случае выгонят... Дайте вы мне спокойно, без этих ваших потрясений доработать до должности заместителя главного врача. Скажу вам не скрывая: Стальевич обещал! И зарабатывать вы эту славу и деньги. Я вас заведующим сделаю! Мне главный не откажет. Да и, может, скоро он обратно в Москву уедет. Мы тогда с вами всю больницу под себя возьмем. Соглашайтесь, Александр Владимирович, соглашайтесь.

— Не смешите меня! Я, к вашему сведению, ведущим хирургом края был. Края! А по поводу больной Голицыной — у меня есть ее письменное согласие на операцию. Письменное. И если вы хотите отменить операцию, то договоритесь с ней, чтобы она отказалась у нас оперироваться.

Александр Новых пошел к двери, повернулся и сказал медленно и четко:

— Я бы посоветовал вам мне не мешать... Она, как вы знаете, жена вице-премьера правительства России! Чувствуете, если что, какая для вас слава? А вы говорите «главный врач»!.. Мы берем ее на операцию. Лучше присоединяйтесь... Вы же хирург!

* * *

Ночью, узнав о предстоящей операции, в Питер прилетел Алексей Иосифович Голицын с сыном. Вице-премьера у тра-

па встречала губернатор города. Алексей Иосифович поблагодарил губернатора за участие и сочувствие и отпустил ее домой, а сам поехал напрямиком в больницу, к жене. В машине лежал большой изумительно красивый букет цветов.

О приезде был проинформирован главный врач больницы Рудольф Стальевич Цыпик; а тот соответственно вызвал заведующего хирургическим отделением Тёмкина. Оба покорно ждали своей участи...

— Здравствуй, Лизонька! — Голицын поцеловал жену в щеку.

За спиной Алексея Иосифовича стояли главный врач и заведующий хирургическим отделением.

— Рудольф Стальевич, пожалуйста, подождите меня у себя в кабинете. Я хочу с вами и заведующим отделением поговорить... попозже.

Главный врач и заведующий отделением вышли тихо-нечко, на цыпочках, из палаты. В палату вошел сын Голицыных Сергей.

— Мама, здравствуй!

— О, вы оба! Как я рада! Здравствуйте, мои дорогие! Дай, сынок, я тебя поцелую.

— Если ты не против, пусть Сергей пока побудет за дверью с охраной, а мы поговорим, — сказал Голицын.

— Сережа, ты не против? Нам правда надо с отцом поговорить.

— Хорошо, мама. Я пойду поболтаю с сестричками.

Сергей Голицын, молоденький парнишка, элитный отпрыск, «прикинутый» с головы до ног, с копной темно-русых волос, взглянул с любовью на мать голубыми глазами и вышел.

Алексей Иосифович подвинул к кровати стул, тяжело сел, взял исхудавшую руку жены в свои большие ладони. Погладил.

— Какие красивые цветы! Спасибо, Алексей.

— Лизонька, объясни, что происходит? О какой операции идет речь?.. Где?.. Здесь?.. Почему?

— Остановись, Алексей! Ты не на своем совещании: так много вопросов. Я не знаю, как это объяснить. Мне кажется, что это меня ведет Божья рука.

— Лиза! Прекрати!

— Не перебивай! Я тебе уже говорила перед отъездом о том, что мой духовник сказал, чтобы я искала спасение в себе, в своем прошлом. Мне кажется, я его нашла. Я тебе сказала, что поеду сюда, в этот прекрасный город, потому что здесь работает этот врач. Удивительный врач...

— Лиза!

— Прошу, Алексей, меня не перебивать. Я тебе сказала, что знаю... знала его намного раньше, чем мы с тобой встретились. Он потом уехал на север и работал там. А сейчас вот волей обстоятельств вернулся домой. Он великолепный хирург. К нему больные в очередь на операции стоят. Я с ним созвонилась и приехала. Все это ты знаешь.

— Да, Лиза. К чему это?

— Он меня посмотрел и сказал, что меня надо срочно оперировать. Понимаешь? Меня можно оперировать! У меня есть шанс!

— Лиза, я не пойму, тебя лучшие врачи — профессора, академики — смотрели и здесь, и за границей. И никто не заикнулся об операции. Может быть, он шарлатан?

— Нет, Алексей, я только сейчас начинаю понимать, в чем наша с тобой вина. Он осмотрел меня как больную и только потом спросил, кто мой муж, и то, я думаю, из-за охраны. Кстати, убери ты их — всех больных распугали. Уже говорят, что я крутая бандитка-рецидивистка вроде Соньки Золотой Ручки и меня охраняют.

Алексей Иосифович коротко и тихо засмеялся одними губами.

— Нет, пусть сидят у двери на стульчиках.

— Так вот. Я думаю, что все эти светила смотрели меня, а видели тебя! Они просто тебя боялись! А он не боится.

И не он, слышишь, Алексей, а я упростила его взять меня на операцию. Я дала письменное согласие. Меня уже посмотрел анестезиолог. Они говорят, что наркоз и операцию мне будут делать в таком вот положении, чтобы сердце не отказало. Леша! Мы все с тобой упустили... Ты это понимаешь?..

— Пусть даже он сто раз прав, но где ты хочешь оперироваться? Здесь?! Лиза, ты не в себе.

— Ты еще скажи, что я сошла с ума!.. Давай! Добивай!

— Прости, Лиза! Я ничего такого не хотел сказать, да и не могу говорить. Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю. Я боюсь тебя потерять! Я сейчас поговорю с главным врачом, заведующим отделением, выясню, в чем дело. Могу поговорить с этим... твоим врачом. Но здесь? Это невозможно!.. Я не дам тебе погибнуть под ножом пусть хоть трижды хорошего хирурга. Хочешь оперироваться и если это, как ты говоришь, единственный шанс — хорошо, давай поедем в Москву, в любую клинику мира, где есть все: оборудование, врачи, уход.

— Ты, Алексей, так и не понял: ничего твои хваленые врачи не смогут сделать. Хотели бы — сделали! Я им не верю! Я буду оперироваться здесь!.. Все, уходи, я устала, иди к этим начальникам, а Александра Владимировича не тронь: у него мать очень больная. И ему еще меня оперировать. Иди, пусть ко мне придет Сергей.

— Лиза!

— Иди, Алексей, иди. Мне укол сделали снотворный, я уже спать хочу. И хочу поговорить с сыном.

Голицын тяжело, как-то подавленно поднялся со стула и направился к двери.

— Я еще зайду, Лизонька!

И вышел из палаты.

В кабинете Голицын (видимо, по привычке) сел в кресло главного врача и сразу как-то возвысился над собеседниками. Главный врач и заведующий хирургией стояли, опустив руки и склонив головы.

— Садитесь, товарищи... Я не знаю, почему моя жена выбрала вашу больницу? Не знаю! И скажу честно: не одобряю! Я, поверьте, лучше вас знаю состояние нашего здравоохранения. Это по телевидению для народа показывают выступление министра здравоохранения: «Все хорошо, все прекрасно!» Чтобы совсем-то народ не перепугать. А истинное состояние дел в медицине мы в правительстве страны знаем, и очень хорошо знаем.

Ладно в Москве не берутся, но и за границей не оперируют. Мы были и в Штатах, и в Европе. Везде головой крутят: лучшие исследования, лучшие анализы, а толку... Я ведь не слепой, вижу — она умирает! Я знаю! Я готов сделать все, чтобы она жила: в любую клинику, в любую страну. Понимаете — все! Но почему она хочет умереть у вас, под ножом этого хирурга, я не знаю? Если можете — объясните!

Главный врач, ерзя на стуле, с непривычки и от страха кивая головой, как болванчик, быстро, запинаясь и поэтому невнятно сказал:

— Я и сам не знаю. И считаю, что вы правы: не надо тратить драгоценное время и лучше через министерство вновь направить ее на лечение в клинику за рубежом. Может быть, в Израиль? Там, говорят, очень хорошая медицина. И не такая дорогая, как в Штатах.

— Ну при чем здесь деньги?

Тёмкин, привстав со стула и опустив глаза, тихо, почти шепотом проговорил:

— Извините, но, кажется, я догадываюсь. Она... извините, ваша жена знает его давно. Знакомы давно. Он у нас два года. А до этого работал на севере...

— И при чем здесь знакомство? Я тоже знаю, что они давно знакомы. Что, мне, если я заболею, знакомого врача искать надо? Чушь! Вы лучше мне вот что скажите: Он что, правда очень хороший доктор? Гений?.. Бог?..

Главный врач вновь заерзал и, кивая, сказал:

— Ну, неплохой. Я не хирург, но его хвалят больные.

Тёмкин, опять порываясь встать, проговорил:

— Он хороший оперирующий хирург. Характер, правда, не очень. Очень упрямый.

— Это не довод. Я сразу вам говорю: если вы возьметесь ее оперировать, то я против!

Рудольф Стальевич Цыпик, поняв по-своему сказанное, заговорил радостно и убежденно:

— Целиком и полностью с вами согласен, товарищ Голицын! При чем здесь наш хирург? Да пусть он хоть семь пядей во лбу! Не надо терять времени. Надо, как я уже говорил... ехать лечиться за границу!

Тёмкин, вновь приподнимаясь, посмотрел на Голицына и тихо произнес:

— А если она не захочет?

— Не понял. Как это — не захочет?

— Она... простите, ваша жена — дееспособный человек. Дала согласие на операцию. И есть только два варианта операцию отменить: противопоказания к операции и отказ больного от операции. Противопоказаний вроде бы нет. Я узнавал. Остается отказ больной. Но это уже не в нашей власти.

Цыпик посмотрел на Голицына взглядом побитой собаки.

Голицын замолчал, наклонил голову, потом устало произнес:

— Хорошо, я пойду еще раз поговорю с женой.

— Вас проводить?

— Не надо! Я дорогу знаю.

Голицын встал и, не прощаясь, вышел из кабинета. От двери бесшумно отделилась тень охранника и последовала за вице-

премьером по уже сонным, уставшим за целый день коридорам больницы.

В кабинете Рудольф Стальевич быстро перебрался в свое кресло и, уже глядя свысока на Романа Романовича, шипяще спросил:

— Что, отказался твой доктор? Может, она ему денег дала? То-то он и упирается.

— Я бы знал! Но за два года, что он у нас, я ни разу не слышал, чтобы он брал деньги. Даже коньяк домой не уносит, с коллегами распивает. Втихаря — я знаю.

— Знаю я это ваше «втихаря»! Не смейся!.. Как считаешь, муж ее уговорит?

— Не знаю! Хорошо бы. Если не уговорит, то не знаю, что и делать.

— Но ты же с ним говорил. Что он предлагает?

— Предлагает оперировать в две бригады, включая меня. Там многочасовая операция. Правда, я думаю, она на столе долго не выдержит. Я ее смотрел — кожа да кости и огромный живот. И в чем душа держится?..

— Откажи и сам откажись! Когда поймет, что никакой второй бригады не будет, сам отменит операцию. По анестезиологам решим. Зарвался там наш старичок-еврейчик. Пора гнать, как твоего предшественника. Да и другие способы на несговорчивых найдутся!.. Ты же видел ее мужа... Нас съедят! И не подавятся!..

Уговорить жену Голицыну не удалось. И он по требованию Елизаветы Сергеевны с тяжелым сердцем уехал с сыном на специально приготовленную для него дачу на Крестовском острове...

* * *

Темным, сырым, зимним, питерским утром сидел грустный и жалкий в своем кресле главный врач Рудольф Сталье-

вич Цыпик. Сжался, посерел от злобы и страха, когда раздался голос любимой секретарши Никочки:

— Рудольф Стальевич, вам звонит министр здравоохранения и социального развития Денежкина Анна Николаевна. Соединить?

— Охренела, дура!.. Соедини!..

«Здравствуйте, глубокоуважаемая Анна Николаевна! Такой приятный и неожиданный звонок!» — «Неожиданный?.. Приятный?.. Не поверю!.. Вы лучше ответьте сразу: почему в вашу больницу поступила жена вице-премьера правительства страны Голицына Алексея Иосифовича — Елизавета Сергеевна? И еще, правда ли, что вы решили ее оперировать? У вас в больнице оперировать?!» — «К моему сожалению, но Елизавета Сергеевна у нас в больнице. Обследуется... А насчет операции — никакой операции не будет!» — «Вот что я вам хочу сказать, товарищ Цыпик. Вы не зарывайтесь! Если вздумаете оперировать Елизавету Сергеевну и, не дай бог, она погибнет, я вас сотру в порошок, сгною! Пойдете прямиком в тюрьму! Это я вам обещаю! Сразу же ждите комиссию! Я по поводу вас справки навела. Не думайте, что спрятались! Вы, надеюсь, меня поняли?...» — «Э-э...»

В трубке раздались короткие гудки.

Через час вновь прозвучал голосок секретарши Ники:

— Рудольф Стальевич, вам звонит губернатор. Соединить?

— Да чего уж там! Семь бед... Соединяй!..

«Здравствуйте, уважаемая госпожа губернатор... Я несказанно рад вашему звонку...» — «Рады?.. Несказанно?.. Не поверю!.. Это почему я, как последняя дура, узнаю после всех, что в вашей больнице лежит жена вице-премьера правительства Алексея Иосифовича Голицына — Елизавета Сергеевна? И не просто лежит, а вы решили ее оперировать. Вы там в своем уме?.. Напротив меня сидит председатель комитета по здравоохранению, и он мне доложил о вас и вашей больнице. И я никак не пойму, почему Голицына лежит у вас,

и кто дал вам право ее к себе положить? И тем более оперировать!» — «Извините, госпожа губернатор! Но мы не собираемся ее оперировать. Она лежит на обследовании. Посмотрим и выпишем. Это я вам обещаю!» — «Обследование? У вас?! Не смешите. У вас же ничего нет. Да, говорят, хирургия неплохая. Вот председатель комитета хвалит. Но это не повод для каких-то экспериментов. Я вас предупреждаю — не вздумайте со мной шутить!.. Насчет операции! Вы, видимо, не догадываетесь, какие последствия лично для вас могут наступить, если вы вдруг надумаете ее оперировать и она, страшно даже выговорить, у вас погибнет!.. Я бы на твоём месте сто раз подумала, а стоит ли вообще это делать. Я тебя предупредила! Понял? К белым медведям и оленям поедешь! В спецвагоне!..» — «Э-э...»

В трубке раздались короткие гудки.

Есть от чего забелеть голове и шее Рудольфа Стальевича Цыпика. Какая там Москва — топор навис над Стальевичем!..

* * *

Поздно вечером в коммунальной квартире старого дома на Петроградской стороне раздался телефонный звонок.

Черный телефонный аппарат, десятилетиями исправно служивший жильцам квартиры, стоял на полочке в длинном полутемном коридоре, и первой к нему подошла вечная, с молодости, еще со времен живых мужей, соседка Ксении Ивановны Новых Любовь Петровна. Обе старушки, когда раздался звонок, пили свой вечерний чай и подслеповато и с увеличенной громкостью смотрели очередную серию какого-то нескончаемого телевизионного сериала.

Любовь Петровна была ближе, а может быть, чуть-чуть лучше слышала, поэтому раньше сообразила, что звонит телефон, и пошла из комнаты по коридору к звеневшему аппарату.

— Алло!.. Вам кого?

Волнующийся молодой женский голос произнес:

— Пригласите Ксению Ивановну Новых, лично, по очень важному делу. Лично ее!

— Ксюша! Тебя лично, по очень важному вопросу! Иди быстрее!

— Может, не меня, а Сашку?

— Нет, тебя лично, какая-то дама! Иди!

— Ой! Неужели Лизанька! Саша говорил, что она у него в больнице и завтра он ее должен оперировать. Бедная!.. Господи!.. Я бегу, бегу.

И старенькая женщина, шаркая тапочками и задыхаясь от волнения, быстро подошла к соседке и взяла слабенькой дрожащей рукой телефонную трубку:

«Лизанька, доченька, это ты? Я так рада тебя услышать...» — «Это не Лиза и не доченька. Вот что, слушай сюда, старая карга. Если твой сын не откажется оперировать Голицыну, то для него это закончится тюрьмой! Тюрьмой! Так, старуха, и передай своему сынку, что это последнее предупреждение!.. Привет, старая...»

Ксения Ивановна выронила трубку и сползла без сознания на пол.

* * *

Тем же вечером, сколько ни звонили по телефону домой «зарвавшемуся» анестезиологу Арону Марковичу, никто трубку не поднимал.

Не знали, что тот с такой же старой, как он сам, супругой Сарой отправился в этот вечер по многолетней привычке в гости к своему старинному другу, тоже анестезиологу, Георгию Джинжихашвили. Посидели семьями, по-стариковски, поговорили, чайку попили, «пульку» в картишки расписали. В домашних условиях, говорят, не запрещено. Да и остались

ночевать. Времена наступили лихие — вечером, а уж тем более ночью, лучше сидеть дома. Не посмотрят, что старики!

...Ну а молодым хирургам звонить — себе дороже! Новое поколение: могут послать так, что не рад будешь, что и позвонил.

* * *

В ординаторской хирургического отделения проходила утренняя планерка. Заведующий хирургией Роман Романович Тёмкин после простых обычных вопросов-ответов встал и, волнуясь и заикаясь, не глядя на врачей, сказал:

— По вопросу операции больной Голицыной хочу сообщить, что мы не можем выделить вторую операционную бригаду: во-первых, главного врача и меня вызывают на совещание в комитет по здравоохранению города, во-вторых, нас сегодня поставили дежурить по экстренной хирургии. Внепланово. Так что, сами понимаете, должна быть свободная бригада для оказания помощи больным, поступающим «по скорой». В таких условиях, я думаю, Александр Владимирович, надо отменить эту операцию.

— Честно, я этого ожидал! После сегодняшних ночных звонков я чего-то такого и ожидал... Значит, кто у нас свободен — я, Олег или Алексей и Виктор?.. Да, вы, Роман Романович, все сделали, чтобы мы не могли ее оперировать... Подло это все!

— Как вы смеете так говорить о вашем руководителе?

— А почему это я или Алексей? И я, и Алексей! А товарищ заведующий пусть откажется от поездки на какое-то там совещание и прикрывает хирургию, — сказал Олег.

— Вы что это себе позволяете?

— Ничего, товарищ заведующий. Либо вы идете на операцию ассистировать Александру Владимировичу, либо прикрываете отделение, пока мы будем оперировать.

— Да и я уйду на операцию, второй операционной сестрой. Меня девочки прикроют. А я вспомню молодость! — сказала старшая медсестра Наталья Дорошко.

— Это бунт! Неподчинение руководству! Я сейчас же иду к главному врачу — доложу о вашем поведении. Пусть принимаются меры, и, думаю, выговора и лишение премий вам обеспечены.

В ординаторской раздался дружный хохот.

— Надо же, премией напугали!

Тёмкин зло и трусливо выбежал из ординаторской.

— Сука!.. А еще хирургом себя считает, — громко сказал Алексей.

Наталья обратилась к Новых:

— Звоните, Александр Владимирович, Грому, я с ним вчера говорила.

— Правильно, звоните скорей, — сказал возбужденно Студент.

— Да я вчера с ним говорил. Сейчас еще раз позвоню.

В ординаторской раздался телефонный звонок.

— Не надо поднимать! Это от главного, — прошептал Олег.

— Студент, подними, если главный — мы все ушли на операцию, — сказал Новых.

Виктор поднял трубку.

— Да... Кто? — протянул трубку Новых. — Это вас... Гром!

Новых взял трубку телефона.

«Александр Владимирович, это Гром». — «Да, Иван Иванович, узнал. А я уже собрался, как мы договаривались, вам позвонить». — «Что — отказался? А я что говорил? Я хочу принять участие в операции! Разрешить?» — «Я вам, Иван Иванович, говорил вчера, что мы все почти за честь оперировать с вами. Но как? Они же вам откажут. Если только проведи вас незаметно в операционную». — «Это моя забота,

Александр Владимирович. Я собираюсь и еду. Правда, трамваи сейчас плохо ходят, если задержусь — начинайте». — «Хорошо! Спасибо! Мы вас ждем!»

Новых, с радостью на лице, положил телефонную трубку и, оглядев всех веселым взглядом голубых глаз, сказал:

— Ну что... есть бригада, да еще какая!.. Вот, Виктор, будет тебе сегодня и клятва врача, и отметка на всю жизнь: быть тебе хирургом или нет. Сам выводы сделаешь. Ну, раз Гром с нами, тогда идем... Значит так: я и Иван Иванович — оперирующие. С этим, надеюсь, никто спорить не будет? Олег, Алексей и Виктор — ассистентами. Двое на крючках, один отдыхает. Там для вас тяжелый труд будет. Крючки держать столько часов никто не выдержит. Операционные сестры — сразу две: Маша и Наталья. Арон Маркович обещал своего друга провести, анестезиолога. Вот такая у нас бригада! Спасибо, коллеги!.. Пойдем!

Зазвенел телефон.

— Бери, Студент, это уже точно главный, — сказал Новых. Интерн Виктор взял трубку:

— Да... Да, здесь. — Протянул трубку Новых. — Вас.

«Да, слушаю». — «Здравствуйте, Александр Владимирович! Это из московской Градской больницы, заведующий отделением абдоминальной хирургии Синельников Петр Николаевич». — «Добрый день, Петр Николаевич». — «Александр Владимирович, правда, что вы берете на операцию жену вице-премьера Голицына?» — «Ого! А вы-то, Петр Николаевич, откуда узнали?» — «Земля слухами полнится... Значит, правда... Она у нас тоже лежала, года два назад. Мы были настроены оперировать, но нам не дали... Я думал, она давно уже того... Значит, там не рак. Черт, давно бы прооперировали — и спокойно жила бы... Смелодушничали! Точнее... Я вам, Александр Владимирович, звоню с просьбой: возьмите нас на операцию, хотя бы «на крючки». Хирургов-то вам и своих хватит». — «Черта с два! Наш заведующий отказался идти на опера-

цию». — «Не может быть! Хирург — отказался оперировать?.. Мыслимое ли дело! У него надо диплом отобрать и на пушечный выстрел к медицине не подпускать!.. Подождите нас! Мы приедем всей бригадой... Самолетом прилетим. Наш главный врач готов помочь». — «Спасибо, коллеги! Вашего бы главного да к нам. Наш главный нам во всем отказал... Кстати, ваш, московский. Думаю, и вам не разрешит». — «Наш?.. А как фамилия?» — «Цыпик. Рудольф Стальевич». — «А... вот где, сука, спрятался! На всю Москву гремел. Вор — клейма негде ставить. Значит, сейчас поганыт ваш прекрасный город... Ну что, мы прилетим?» — «Спасибо, Петр Николаевич! Но мы уже идем мыться». — «Тогда удачи вам! Мы с вами. Когда закончите, если можно, позвоните мне... мой телефон...»

Александр положил трубку.

— Вот так, коллеги. Уже и московские врачи звонят — хотят участвовать в операции. Она у них лежала два года назад. Не дали им ее прооперировать. Узнали, что идем, предлагают помощь. Готовы стать с нами за стол.

Вновь зазвенел телефон.

— Студент, ты знаешь, что говорить.

Интерн Виктор вновь взял трубку телефона.

— Да... Вас, — протянул трубку Новых.

«Да, слушаю». — «Александр Владимирович, это из больницы Святой Татьяны, заведующий хирургией Басов». — «Здравствуйте, Илья Семенович!» — «Александр Владимирович, нам стало известно, что вы будете оперировать жену вице-премьера Голицына. Правда?» — «Да, вот идем мыться». — «Возьмите нас? Мы приедем всей бригадой, включая анестезиологов». — «Попробуйте... через главного». — «Мы пробовали. Он у вас что — ненормальный? Послал подальше нашего главного! Я к вашему заведующему — разговаривать не хочет. Тоже посылает!.. Вот на вас вышли. Подождете?» — «Спасибо! Мы бы подождали, да больная не ждет. И, боюсь, если мы не возьмемся сегодня ее оперировать, то она уже

ни к кому не попадет. Не позволят! Все мундиры собственные спасать начнут!» — «Мы с вами, коллеги!» — «Спасибо! Нам пора мыться». — «Мы за вас всем отделением будем молиться!» — «Еще раз спасибо!..»

Новых положил трубку и обратился к врачам:

— Вот, из «Святой Татьяны» звонили — хотят тоже за стол с нами... Главный и наш заведующий их послали... далеко!.. Боже, что происходит: врач врача посылает подальше?.. А нам, коллеги, в этом случае и отступить некуда! Все, пошли мыться... Я зайду к больной.

— Стоит ли?

— Стоит.

* * *

— Доброе утро, Лиза! Как себя чувствуешь?

— Я впервые за много месяцев выпалась.

— Вот и хорошо... Подольше поговорим после операции. Я пришел, чтобы сказать тебе, что все будет хорошо. Поспишь, а проснешься совсем другим человеком. Просто — другим! Это я тебе обещаю.

— Скажи честно, тяжело тебе? Загрызли?.. Я знаю — загрызли. Муж предлагал вновь поехать за границу. В Израиль. Я отказалась... Честно, я очень устала. Я уже ничего не хочу... Уснуть бы да и не проснуться. Может, и правда отказаться? Я ведь знаю, что с тобой будет, если я умру во время операции.

— Брось, Лиза! Со мной ничего не будет, потому что все будет хорошо! Я тебе обещаю: все, что от меня зависит, я сделаю. Вон ребята из других больниц звонят — хотят участвовать в операции. Даже из Москвы!

— Что же они раньше-то не оперировали?

— Не все так просто, Лиза... Ладно, я пойду в операционную. Я тебя там со всеми твоими спасителями позна-

комлю. Одного ты уже знаешь — Арона Марковича, анестезиолога.

— Боже, какой интересный мужчина. Всё ласково так: «Девочка, повернитесь бочком. Повернитесь спинкой. Ай как хорошо!.. Какой животик...» Я аж краснела от удовольствия, особенно когда он трубочкой деревянной стал слушать. Я такую только во время родов видела.

— Да, Арон Маркович такой. Блокадник... Там, за дверью, ждут твой муж и сын... Я пойду.

Новых вышел из палаты.

К Александру подошел Голицын. Сдавленно и зло, но тихо, чтобы не слышал сын, сказал:

— Вы все-таки решили Лизу оперировать? Что же, я не могу вам запретить, если этого хочет она. Но знайте, я — против! Если моя жена умрет у вас под ножом, я вас сотру в порошок! Если вы ее спасете, я вас озолочу!

— Вы, Алексей Иосифович, так и не поняли, что я просто врач. Не гений, не талант, не Бог и тем более не герой; просто — врач! Хирург. При чем здесь золото? А сейчас, позвольте, мне надо в операционную. Что же касается вашей жены, я постараюсь сделать все, что от меня зависит. И мои коллеги тоже.

— Нет! Я вас прошу — сделайте все! Скажите мне честно, вы верите, что сможете ее спасти?

— Я и мои коллеги сделаем все, чтобы Елизавета Сергеевна была жива! А верить не верить — это не к нам. Извините, мне надо идти в операционную.

— Помните, что я вам сказал.

— И что за день сегодня — все угрожают.

— Что вы имеете в виду?

— Да это я так, про себя.

Александр повернулся и пошел по коридору. Его догнал Сергей, сын Лизы, и, глядя на Александра темно-синими глазами, сказал:

— Спасите, пожалуйста, мою маму!

Александр положил руку ему на плечо.

— Я все сделаю, чтобы у тебя была мама.

Новых повернулся и быстро ушел в операционную.

* * *

В палату закатили каталку, и медсестры переложили на нее Лизу.

— Поехали, Елизавета Сергеевна.

— Поехали, — тихо-тихо, чтобы не сорваться и не завывать в голос от страха, сказала Лиза. И совсем тихо прошептала: — Господи, спаси и сохрани...

К каталке с двух сторон подошли муж и сын, у обоих выступили слезы на глазах.

Лиза, сдерживая рыдания, тихо сказала:

— Алексей, Сережа, не надо... только не плачьте! Я не выдержу... Леша, я прошу тебя, если что... сбереги Сережу! И прошу: они — единственные, кто решился меня спасти. Я тебя прошу, не трогай их. Дай мне слово, что не тронешь!

— Хорошо, Лиза.

— Поцелуйте меня. Я вас очень, очень сильно люблю!

— Лиза, я договорился — мне разрешили ждать около операционной. Так что мы идем с тобой.

Они взяли в свои ладони руки Лизы: с двух сторон, отец и сын, и медсестры медленно покатали каталку к операционному отделению... Двери операционной открылись, и каталка с Лизой покатила по коридору туда вдаль, в тишину... Отец и сын стояли перед закрывающейся дверью. Голицын положил руку на плечо сына.

— Мы тебя очень любим, мама!

— Лиза, мы тебя ждем!

— Хорошо, мои мальчики... До свидания!..

Дверь в операционную закрылась.

По своему кабинету, рыча как затравленный зверь, вперед и назад трусцой бегал главный врач Цыпик. За столом, понуриив голову, тихо сидел заведующий хирургическим отделением Тёмкин.

— Всё мне конец! Ты знаешь, кто мне звонила? Эта... министерша... наша... знаток медицины, мать ее! Как мальчишка меня отхлестала. «Что вы себе позволяете? Такое неуважение к коллегам! Кто вам позволил? Я вас помню. Топор у меня для вас готов! Можете уже сейчас положить не диплом — голову на плаху... Если она погибнет, к вам сразу выезжает комиссия... Или, советую, лучше сразу кладите заявление об уходе на стол в ваш комитет по здравоохранению. С губернатором я вопрос согласовала!..» И дальше — больше! Потом обозвала меня... и бросила трубку... Соплячка! Что она понимает в медицине?.. Одного спрятали в посылы. Все ведь знают почему. Эту козу для чего поставили? Пилить деньги! Вместе с мужем. Так пили... Что ты в наши медицинские дела лезешь? Ни хрена же не понимаешь! Бухгалтер, такую мать!..

А через час знаешь кто позвонила?.. Губернатор! И без обиняков, как молотом в лоб: «Ты что это себе позволяешь? Ставишь город, меня, мой комитет по здравоохранению в глупейшее положение. Я, как дура, узнаю последняя, что у тебя лежит жена самого Голицына!.. У тебя!.. Ты кто такой, чтобы себе это позволять?.. Простой главный врач простенькой городской больницы. Не профессор, даже не кандидат наук... Я навела справки в комитете: у тебя один кандидат на всю больницу, да и тот неизвестно чего... Нам все известно: и про тебя, и про твоего заведующего хирургией. Я еще разберусь, как ты попал в мой город и кто тебя поставил в моем городе главным врачом... Запомни — если что-то произойдет с Голицыной, можешь сразу бежать из города. Не оглядываясь...

на север, к белым медведям и оленям! Там тебе и место...» И тюрмой пригрозила. И трубку бросила. С-с... а!.. — Рудольф Стальевич пробежал несколько шагов и взвизгнул: — Ты понял, козел... Романыч, во что ты меня втянул? Сукин ты сын! Б... дь!..

В приемной раздался шум и женский крик. Дверь распахнулась — в проеме, закрывая дородным телом и раскинув руки, стояла секретарша Ника и громко визжала:

— Я же вам русским языком говорю: он занят. Сегодня не приемный день.

— Отойди, девица, а то я по твоей беспутной голове вот этой палкой как дам!..

Ника, крупная, раскормленная девица лет тридцати, с ярко накрашенными губами и ногтями, и с непонятного яркого цвета включенными волосами, отскочила в страхе в сторону.

В кабинет вошел, опираясь на палочку, старик, крупный, седой, с властным лицом, в поношенном, но чистом черном костюме. На лацкане пиджака блестел тусклый от времени орден Трудового Красного Знамени.

— Ты-то, может быть, и занят, только вот я — свободен! — обратился вошедший четким голосом к главному врачу. — Так, слушай меня внимательно. Я хочу принять участие в операции! И если вздумаешь мне мешать, ты меня знаешь, я устрою такой скандал и расскажу о некоторых твоих делишках такие сведения, что, думаю, креслице-то свое мягкое ты быстренько поменяешь на казенный стул. Так что... я пошел мыться?

— Ну-ну. Не пугай! Ну зачем тебе, старикан, это надо? Что ты с костылями своими там делать будешь? Может, тебе пару санитарок выделить, чтобы поддерживали? А может, на каталке рядом с больной положить? Будешь давать ценные советы. Сидел бы себе тихо на печи да сухарики, чтобы съесть, вымачивал в кипяточке. Совсем рехнулся на старо-

сти лет... Да, я вас не познакомил. Это — Роман Романович Тёмкин, заведующий твоим бывшим отделением, кандидат медицинских наук. А это, Рома, — хирург от бога, орденосец, инвалид и просто старый пердун Иван Иванович Гром. Чувствуешь, фамилия какая?

— Насчет сухариков ты прав: на нашу пенсию, кроме каши и сухарей, ничего не купишь. А кипятком ты меня не пугай — во время блокады он жизнь людям спасал! Я, может быть, и стар, но в отличие от тебя я врач. И не просто врач — хирург! Слышал про такую профессию? Хирург! Да что там — тебе этого не понять... А это, значит, новый заведующий?.. Ты, мил человек, чего здесь-то торчишь, когда твои коллеги за операционным столом стоят? Они же, как солдаты, в бой пошли... а ты, значит, в кусты? К начальству поближе. Твое место там! (Гром показал палкой на дверь.) Да, видимо, не из того теста ты сделан... Бросай хирургию! Не твое это дело... Беги! — И вновь обратился к главному врачу: — Ну что? Я пошел мыться... или запретишь?

— Да идите вы все, куда хотите! Размахался тут своей клюшкой. Сапог сапогу пара! Тебя там такие же ждут — герои! Сегодня у нас сумасшедший дом какой-то: все рвутся в вашу операционную.

— Значит, не все еще совесть потеряли! — сказал Гром.

Старик повернулся и, выходя из кабинета, бросил стоящей в сторонке секретарше:

— А тебя, девонька, он бросит. Как только другое место работы найдет, так не нужна ты ему будешь. Попомни мои слова.

— Иди, иди, дед, не пугай мне Никочку, а то я могу и передумать.

— Не передумашь! Побоишься!

Гром Иван Иванович, бывший заведующий хирургическим отделением, блокадник и орденосец, опираясь на палку, пошел в свою до боли родную и любимую операционную. Как в бой! Исполнять свой долг! Долг врача!

— Почему вы позволили ему пойти в операционную? Я против! Что о нас будут говорить? Стариков-инвалидов за операционный стол ставим! — взвизгнул Тёмкин.

— Да пусть идет, только мешать там будет со своим ма-размом. Меня уже звонками «задолбали» твои коллеги-хирурги. Все хотят принять участие в операции: готовы бригадами приехать, вместе с операционными сестрами, анестезиологами, санитарками и оборудованием. Вот о чем нам надо беспокоиться: что завтра говорить о нас с тобой будут? Отказали своим же коллегам? А информация-то утекла из твоего отделения. Твоего! Так что пусть лучше этот старый пень, чем полная операционная бригада. Сиди! Сам же сказал, что она не выдержит. Вот и крестись, чтобы не выдержала. Ты хотя бы в курсе будешь, что там и как?

— Да. Мне будут докладывать.

— Они же твои подчиненные. Чего же ты так просто и легко об этом говоришь?.. Кстати, а где Голицын?

— Сидит около операционной. Я разрешил. Пусть, когда все закончится, из первых уст, так сказать, узнает. Я ему даже курить разрешил.

— Насчет курить не знаю, а то, что ты, Рома, более труслив, чем я представлял, — это точно. Стоит подумать: а нужен ли ты в должности заведующего? Хирург-то ты, всем известно, никакой. А то хорошо пристроился: ему, видите ли, докладывать будут. Иди, да недалеко. Чуть что, я должен знать первым. Не муж! Я!.. Понял?

Тёмкин, расстроенный, ушел.

* * *

Что-что, а операционная была для обычной городской больницы хорошая, если не сказать отличная операционная.

Спасибо, бывшему главному врачу. Женщине. Старая школа русских врачей — за воровством замечена не была.

Деньги выбивала: как войдет к какому медицинскому или городскому начальнику да перед этим начистит на костюме иконостас из военных орденов и медалей, не в тылу — в боях заработанных, так всякий на вытяжку вставал. За честь считали с такой женщиной поздороваться. Умерла, вот Цыпика и поставили.

И Гром, одна фамилия чего значит: жилы из всех вытянул, но для операционной последний рубль выбивал. Чувствовалась рука понимающая: ничего лишнего, все самое лучшее, качественное, импортное — и лампы, и столы. Наше-то, российское, оборудование — только в морги ставить! А вот стойка с мониторами да инструментами для лапароскопической хирургии — это уже заслуга Новых. Не за модой гонится — за современной необходимостью. Уж не хотел главный, но как узнал о выгоде, да для своего кармана, — отдал денежки, сколько ни упиралась главбух. Эти точно больше всех в медицине понимают: не зря же министр — финансист!

Отделана была операционная темным кафелем, чтобы свет не отсвечивал. Лампы бестеневые светят, но сильно не греют; под такими часами можно стоять — тепловой удар не получишь. Инструмент. Ну, хотелось бы лучший, но дорог, а на это денег главный никогда не даст — при чем здесь инструмент и доходы? И так сойдет. Баловство одно!.. Из своего кармана денежки на эти игрушки тратить? Не пойдет!.. Не дам!..

Оперировали всегда много: и при Громе, и когда Новых пришел. Оперировали красиво, объемно, с этакой удалью. Почему? Да потому, что не боялись. Да и удаль та была не дурная — с умом, правильным расчетом, расстановкой сил, возможностями каждого. И конечно, был труд необыкновенный, только со стороны кажущийся романтичным, а на деле тяжелейший, изнуряющий, высасывающий из хирургов здоровье и силы. Потому не грех и рюмочку-другую, хирурги себе позволить могут. И умные жены, как правило тоже врачи, не препятствуют. Но только рюмочку.

Привезенную в операционную Лизу уложили на операционный стол. Лампы не включали — зачем человека пугать перед операцией, и так страшно. Стол со стороны головы приподняли. Зафиксировали ремнями руки и ноги. На фоне белой простыни, прикрывающей тело, как-то сразу стала заметна белизна лица Лизы, сжатые губы и большие-большие темно-карие глаза. И выпирающий живот.

Вокруг стола задвигались сестры-анестезистки: вкалываясь в вену, подключая капельницу, установили мониторы, наркозную аппаратуру. Операционные сестры Маша и пришедшая Наталья Дорошко уже намылись, стерильные, тихо переговариваются, раскладывая хирургические инструменты на отдельных операционных столиках.

В операционную вошел, вызвав восторженные возгласы врачей и медсестер, Иван Иванович Гром.

— Эх, как хорошо-то, как в родной дом вернулся, родным воздухом дышу, надышаться не могу. Так бы и вдыхал, как мерин старый!

— Как это они вас, Иван Иванович, пропустили к нам?

— Не пропустили, а чуть ли не под локотки привели. Оперируй, мол, Иваныч. Просим любезно... Девоньки, еще не соскучились по мне?.. Арон Маркович, старый друг, пока я не намылся, дай я тебя обниму.

К операционному столу подошел Александр. Он в колпаке, маске и медицинском халате, завязанном сзади.

— Ну как, Лиза?

— Все хорошо. Первый раз в операционной. Укол сделала, и не так страшно стало. Я тебя никогда не видела в маске.

— Лиза, я тебе обещал, что познакомлю со своими коллегами, вот и знакомлю: это Гром Иван Иванович. Великолепный хирург. Орденоносец. Ленинградец. Блокадник.

— Здравствуй, девонька! Ты не бойся — мы тебя спасем. Постпи, а мы пока поработаем над твоим шикарным телом. Плохое — уберем, хорошее — оставим!

— Здравствуйте! Что же тут шикарного? Кожа да кости. Распластали, как лягушку. Да по рукам и ногам связали.

— Ты, девочка, их не слушай, это я тебе говорю, старый Арон.

— Здравствуйте, Арон Маркович!

— Запомнила! Ты хирургов не слушай, ты нас, анестезиологов, слушай. Чего они в красоте понимают? Малевичи! Куда они без нас? Поспишь — проснешься и себя не узнаешь. А все благодаря нам. Мы свою профессию знаем. Начинали заниматься этим делом, когда тебя мама с папой, наверное, еще не задумывали. Хлороформом людей травили. Мука, а не наркоз... Вот ко мне друг мой пришел, тоже хочет спасти тебя. Прошу всех любить и жаловать, если кто не знает, — Георгий Георгиевич Джинжихашвили. Это мой друг и по работе, и по жизни. Также блокадник. Фамилия длиннющая, всю жизнь запоминаю — запомнить не могу. Он питерский грузин, но из Гори. Знаешь такой городок, девочка?

— Это где Сталин родился. Там даже памятник ему сохранился. Говорят, женщины ложились под танки, только чтобы не дать его снести...

— Вай! Я твой навеки, красавица! — сказал такой же старый, как Арон Маркович, Георгий Джинжихашвили.

— Ну не вводите вы меня в краску: что же красивого — одни кости?

— Я тебе так скажу. У моей Сары в блокаду родители от голода умерли, а она чудом выжила и после войны ела-ела и никак остановиться не могла. И что? Не в коня корм. Кожа да кости. А сейчас — рук не хватает, чтобы обнять. Так что не спеши мясо нагуливать — само нарастет, — сказал Арон Маркович.

Александр обратился к Джинжихашвили:

— Кстати, а как вы прошли, Георгий Георгиевич?

— Арон под халатом провел. Шучу, но примерно так.

— Лиза, у этих двух красавцев есть свои две молоденькие помощницы, Света и Таня. Вот они вокруг тебя крутятся. Колдуют.

— Спасибо, девушки.

— А это, Лиза, два очень хороших хирурга Олег и Алексей. Будущие светила питерской медицины.

— Спасибо вам.

— Что вы, для нас счастье — ассистировать таким хирургам, как Александр Владимирович и Иван Иванович.

— А это, Лиза, наш Студент. Он уже врач, и даже с дипломом, только справку осталось получить, что прошел интернатуру по хирургии, и всё, вновь испеченный хирург. Я его лично буду обучать. Он, как и я, из рабочей семьи. Для меня он свой!

— Намекаешь?

— Ну-ка, ну-ка. Расскажи, девушка, что тут за тайны? — спросил Иван Иванович. — Говори, девонька, все равно же узнаем.

— Вы, хирурги, всегда так шутите в операционных? Чтобы мы от страха не умерли? Говорят, вы даже пьяные оперируете?

— Бывает. Махнем стакан — и за нож. В нашей работе без доброго сарказма, подколов, юмора нельзя. Свихнешься или сопьешься.

— О Господи!

— Не бойся, это я так шучу по-стариковски! Так что же получается, мы, старые ленинградцы, с сыновьями и внуками собрались здесь спасать одну красивую женщину? Москвичку. В этом есть что-то! Поработаем, друг мой Арон?

— Точно, Иваныч, — поработаем.

— Спасибо вам всем. Это, наверное, судьба! — тихо сказала Лиза, и слезы побежали по ее щекам.

— Так, ребятки, отойдите от нашей девушки. Слушай, Лиза, сейчас только меня, Арона Марковича... Вводите, девочки... Лиза, считай за мной.

— Один, два, три, четыре... Спаси...

— Ну вот, так и не дослушали: то ли «Спасите», то ли «Спасибо»?

— Проснется — спросим!

— Дай-то бог!..

— Можете начинать!..

— Давай, Александр Владимирович, если ты, конечно, не возражаешь, я буду обращаться к тебе «Александр»?

— Хорошо. А я к вам буду обращаться «Иванович»?

— Не «Иванович», а «Иваныч». Правильно и по-русски.

Да и как-то моложе.

— Ну, с Богом!.. Свет!.. Девочки, поправьте лампы... Йод!.. Спирт!.. Обложиться!.. Скальпель... Время засеки... Господи, помоги!..

— С Богом!..

— Вскрываем брюшину...

— Боже, какая же она громадная!..

— Армагеддон!..

— Не ругайся, Студент, иностранными словами в святом месте!

— Отступить нам, Александр, некуда: либо она нас, либо мы ее...

— Сверху начнем, Иван Иванович, иначе не выдержит?

— Договорились же, Александр, — Иваныч.

— Хорошо... Иваныч.

— То-то... Согласен, Александр, сверху и быстро... Сердце надо освободить.

* * *

— Сколько уже оперируем?

— Четыре часа десять минут.

— Как она, кровь, что-то темновата?

— Ребятки, надо сердечко быстрее освободить, иначе она не выдержит... И так уже два раза уходила... Ребятки, поспешайте!

— Ну, спешить-то, Арон Маркович, мы как раз не можем...

— Что, Студент, устал?

— От инструментов глаза болят и руки трясутся. Надо инструмент другой применять, с напылением, чтобы не отсвечивал.

— Вот молодежь! В момент соображает, что надо делать. Да я шикарный инструмент, с ручками золотыми, только на севере видел. Американский.

— А я после войны пользовался — трофейным, немецким. Вот качество!.. Враг, а инструмент — великолепный!

— Да и советский тоже был неплохой, крепкий. Сейчас — зажим не зажимает, ножницы не режут, сталь — чуть надавил, и нет инструмента, сломался.

— Сейчас по всей стране так: что ни возьми, все сломано.

— Какие правители, такая и страна. Или наоборот? Не помню! Властелины колец...

— Каких колец? — совершенно серьезно переспросил у Грома Студент.

— Автомобильных, наверное! — успел со смешком вставить Олег.

— Да, время правителей-богов прошло, пришло время никчемностей. И ведь, что интересно, сразу по всему миру, — закончил свою мысль Гром.

* * *

За операционным столом шел разговор понятный только стоявшим вокруг этого стола людям, одетым в стерильные халаты, маски, колпаки: «Сейчас осторожней, будем кощееву иглу доставать». — «Как кощееву, Александр Иванович?» — «Смотри, Студент, вот этот сосуд мы сейчас обрабатываем и...» — «Тихо, тихо... Александр, не спугни... Тут лучше раздвинуть спайки... мягкие...» — «Согласен, Иваныч... Так, хорошо, лигатуры заводим?...» — «Хорошо... Наташа — лигатуру». — «Вяжем?» — «Вяжем, Иваныч...» — «Ну что, пересекаем?...» — «Всё, вроде нигде

не кровит?» — «Прошьем?» — «Прошьем...» — «Свет поправьте». — «Полотенце смочите в физрастворе... Под опухоль его... Так, хорошо...» — «Арон Маркович и наш друг Георгий Георгиевич с красивой длинной грузинской фамилией, мы сейчас вниз отодвигать будем опухоль. Диафрагма сама вниз опускаться будет, а за ней и сердце. Остановку можем получить. Так что вы в это время тихонечко стол-то выравнивайте... Виктор, ты сюда, на полотенце зеркало положи и легонько опухоль книзу отдавливай... Вот так, правильно... Что рук не хватает?.. Алексей, крючок сюда сдвинь... Свет... А сюда еще зеркало... Вот как хорошо стало сразу видно...» — «Девочки, опускайте... тихо-тихо. Смотри-ка, Георгиевич, сердечко-то как успокоилось... Девочки, что с давлением?» — «Сто десять и девяносто, Арон Маркович». — «Очень хорошо!..» — «Продолжим, Александр... здесь лучше тупоконечными ножницами...» — «Стой... Кровит, такую... Я захвачу зажимом... Кохер... Еще. Изогнешься сам, чтобы захватить...» — «Зажим... Еще зажим... Сухо вроде?» — «Да». — «Вот и хорошо... Вяжи...» — «Наташа — лигатуру... Таня — шить...»

* * *

— Сколько оперируем? — спросил подняв голову Новых.

— Пять часов пятнадцать минут.

— Так, ребятки, молодцы. Тьфу-тьфу в сторонку, но сердечко вы красавице спасли...

— Арон Маркович прекратите плевать. Мысленно постучите по дереву. А лучшее дерево — голова! Всё, Иваныч, размываемся. Переодеваемся. Передохнём. И продолжим... Вы, Арон Маркович и Георгий Георгиевич, не возражаете?

— С каких это пор у нас стали спрашивать, возражаем мы или нет? Георгий, ты такое помнишь?

— Нет.

— Вы нам сердечко с легкими освободили, теперь мы нашу девочку ей, костлявой, не отдадим. Я правду говорю, Георгий?

— Не отдадим!..

Хирурги отошли от стола.

— Девоньки, мне подвиньте стул, заберите у анестезиологов. Им тоже задницы надо размять, а то они, такие же старые хрычи, как и я, от геморроя никогда не избавятся.

— Вы, Иван Иванович, совсем не изменились. Как будто вчера расстались. На язык-то все такой же.

— К сожалению, Машенька, только на язык. А с такой, как ты, я бы остаток-то жизни с удовольствием провел. Возьмешь? Вдруг я еще на что-нибудь да сгожусь?.. Впрочем, Александр, ребятки, если вы не против, то я, пожалуй, пойду! Аж шатает. Устал я, отвык. Да и нога-то не железная. А лучше бы железная была. Надо же, когда контузия блокадная выползла... Змеюка!.. Пойду, ребятки! Спасибо вам... Хоть и тяжело, а как десять лет сбросил. Я в предбаннике посижу, отойду маленечко. Может, девоньки чайком напоят? Пойду... Кстати, Александр, перед операционной мужик солидный сидел. Видимое ли дело, перед операционной — и курит! Совсем пропала больница... Кто это? Муж?

— Да. Он вице-премьер правительства страны, Голицын!

— Батюшки! Кого же мы оперируем — вице-премьершу? Чудеса!.. Что твоя хорошая знакомая — знаю. Но про должность не говорил. Впрочем, что должность? Сейчас все со знатными фамилиями, при правителях. И откуда вдруг взялись? Вроде большевики всех расстреляли? Или из-за границы приехали? Только толку-то. Фамилии да должности есть, а совести нет!

— Так не должность оперируем — хорошую женщину.

— Да вижу, что не плохую. Плохие нашу больницу по нынешним-то временам за версту стараются обойти... — И Гром добавил тихо: — Подожди-ка, Александр, а это не та девушка... из-за которой ты тогда уехал?

— Она.

— Господи, как мир тесен... Ладно, пойду, ребята. Девоньки, пока! Спасибо всем еще раз.

— Куда же вы, Иван Иванович? Подождите здесь, в сестринской. Девочки не только чайку, но и по-нашему — спиртика нальют.

— Эх, Наталья, ну до чего же ты умная, краса наша. Мне бы годков двадцать сбросить, я бы не только чайку попил, но и в жмурки поиграл.

— Так оставайтесь, поиграем!

— Какой из меня уже игрок. Пень старый! Песком-то всю операционную засыпал. То-то работы санитарочкам добавил. Я вам напоследок, чтобы нескучно было, одну историю расскажу... Я тогда чуть моложе, чем сейчас, был. Случилось это на дежурстве. Я только из операционной вышел, уже и не помню, что оперировали. Только расслабился в ординаторской, на диванчике полежать собрался, как звонят из приемного покоя — женщина сама пришла, ключицу вроде сломала. Я вначале их хотел послать, не наш профиль — травма. Потом решил спуститься — все-таки сама пришла, не гнать же. Прихожу — точно, сидит, плачет, руку, согнутую в локте, поддерживает другой рукой. Посмотрел — ключица углом. Подняли на рентген, снимки сделали — перелом ключицы, но без смещения. Вызвал медсестру из операционной, взял в перевязочную, блокаду сделал, подтянул, кольца наложил, тогда кольца ватно-марлевые накладывали и стягивали на спине. Мы же не травма. Надо записать в дежурный журнал. Спрашиваю, как положено, имя-отчество, возраст, где травму получила. Отвечает: «Дома». — «Что случилось — упали?» — «Да нет, сама сломалась». — «Как это сама?» — «Муж, моряк дальнего плавания, с моря пришел, ну и, как положено, выпили, поцеловались и занялись любовью, и ключицу сломала». — «Что, с кровати упала?» — «Нет! Поза такая была...»

В операционной наступила тишина.

— И что это за способ? — удивленно спросил Студент.

Вначале тихо, потом все громче операционная наполнилась смехом.

— А я помню этот случай, — сквозь смех и слезы сказала Наталья. — Это я тогда дежурила. Почему и запомнила, что травма.

Все еще громче засмеялись.

— Да тихо, вы, черти, — больную разбудите, — совершенно серьезно, сам чуть не давясь от смеха, сказал Арон Маркович. — Но все-таки интересно, что это за поза? (Засмеялся.) Саре бы показать.

— Вот и я все эти годы думаю, как эти ежики пристроились друг к другу? Маша, ты у нас моложе всех, — может, подскажешь?

— Да ну вас, Иван Иванович, в краску вогнали.

— Ой, вас, молодежь, в краску вгонишь.

— Может, все-таки, Иван Иванович, подождете? Мы закончим и посидим вместе, рюмку-другую выпьем, — спросил Александр.

— Нет, Александр, пойду я, устал. В трамвае подремлю. И раз у вас есть еще силы смеяться, то, уверен, управитесь с легкостью и без меня. Молодцы, ребятки. Молодежи особое спасибо. А вас, девоньки, всех бы расцеловал, но... позже.

— Я... мы к вам придем, на днях. Не возражаете? — спросил Александр.

— Почтú за честь, ребятки. Буду рад. Только сообщите заранее. Хоть приберусь. Пирогов да разносолов не обещаю. Бобыль. Наталья, и ты приходи, если муж отпустит.

— К вам — отпустит!

— Ишь ты! И не боится? Значит, я точно старый пень! Не в прошедшие времена. Гроза был, а, Наталья?

— Да, хорош был. Хорош!

— Бедная моя ноженка. А то бы от счастья, что в родном доме побывал, станцевал бы. Всё, ребятки, не прощаюсь. Жду... А девушке, как отойдет от наших выкрутасов, от меня привет передайте, — и тихо Александру: — Да... годики бы сбросить, отбил бы, ей-богу, отбил бы! Понять бы только, у кого?.. Из вас двоих...

— Вы так думаете?

— А ты думаешь, если бы не любила, пришла бы к тебе и легла под нож? Поверь старику — любит она тебя! Вот такие у тебя дела, Александр. Спасай девоньку. Спасай!

Гром, сильно хромая и покачиваясь, походкой смертельно уставшего человека вышел из операционной.

— Не упал бы! Эй, девчонки, где вы, заснули? Быстро усадите да чайком напоите. Спиртику налейте. Знаете где? Бегом! Забыли меня? Забыли!..

— Вас, Наталья... забудешь, как же!

* * *

Гром, устало опираясь на палку, вышел из операционной и увидел сгорбленную, понурую фигуру Голицына. Рядом, на инструментальном столике, стояла пепельница, полная окурков. Голицын незадолго до этого слышал, как из-за дверей операционной донесся приглушенный шум, похожий на смех, и еще зло подумал: «Совсем рехнулись! У них большая умирает на столе, а они вроде как смеются? Гады!»

Гром подошел к поднявшему голову Голицыну. Лицо вице-преьера было усталым и серым. Гром наклонился над ним и тихо сказал:

— Сидишь?.. Ждешь?.. Да и что тебе еще остается, кроме как ждать. Переживай — это тебе полезно! Если на тебе больших грехов нет, значит вернется к тебе жена. А ребята все делают правильно... С женой твоей все будет хорошо!.. Это я тебе говорю... И курить здесь, около операционной,

нельзя. Даже мы, хирурги, себе не позволяем поганить табачком наше святое рабочее место! Не кури здесь!.. Лучше помолись! Помощь Его и им, и ей сейчас ох как нужна... (Обернулся к мальчику.) А это сын?.. Красавица твоя мать. Да еще и умная!.. Ты ее люби и оберегай... На то ты и сын!..

Гром развернулся и медленно пошел от Голицына, сильно хромя и тяжело опираясь на палку.

* * *

— Так, сколько оперируем?

— Шесть часов десять минут.

— Виктор, смотри: почки мы освободили, перистальтика кишечника хорошая, так что, коллеги, немного осталось. Не падайте!

— У нас моча по катетеру пошла, обильно, муть сплошная.

— Вот еще одно подтверждение, Виктор, что правильно пошли — сверху. Иван Иванович, как всегда, был прав... Вижу устал... Поменяйся. Еще долго оперировать... Руку, руку сразу под опухоль... Ох и тяжелая!..

В операционную тихо вошла постовая медсестра из хирургического отделения. Подошла к Наталье из-за спины и что-то зашептала ей на ухо.

— Ты что? Молчи, дура!.. Иди, иди.

— Наталья, вы о чем там шепчетесь? Что, в отделении какая-нибудь проблема? Заведующий сбежал? Все в операционную как к себе домой входят. Разведчики? Докладывают, куда надо? — сказал, не поднимая головы, Новых.

— Нет. Это, Александр Владимирович, по другому поводу. Лекарства не знают, где найти. Иди-иди, найдешь.

— Что-то сердце у меня захолонуло. Подождем минутку.

— Я заметила, вы, Александр Владимирович, с утра сегодня какой-то не такой: усталый, глаза красные. Плохо спали? Мама заболела? — спросила Наталья.

— Сейчас я могу вам сказать. Вчера вечером маме позвонила какая-то девица и сказала, что если я не остановлюсь и буду оперировать Голицыну, то у меня будут большие проблемы, вплоть до тюрьмы. Мама старенькая, больная, плохо ей стало — сердечко отказало. Скорую вызвали — она наотрез от госпитализации отказалась. Вот всю ночь и не спал. Утром с соседкой оставил, всю жизнь вместе в одной коммуналке живем, и пошел на операцию.

— Вот суки! — громко сказал Олег.

Наталья прошептала тихо-тихо:

— Боже милостивый!

— Сейчас закончим, и побегу... Давайте продолжим, — сказал уставшим голосом Александр.

* * *

— Ну что, последний шовчик... Наложил, Виктор... Заслужил! На счастье... Экзамен сдал... Хирург... Все!.. Господи, как я устал!.. Коллеги, можете идти, готовьте стол здесь, у операционных медсестер. Виктор, сбегай в ординаторскую — у меня там в столе есть бутылка хорошего коньяка. Наливайте, я сейчас подойду. Подожду, когда Лиза проснется. Как она, Арон Маркович?

— Все хорошо. Сейчас проснется, и повезем в реанимацию. Вы нам коньячка-то оставьте.

— Без вас не начнем.

— Что вы все в коньяк ударились? Я сейчас позвоню жене, пусть сын привезет нам чачи, самой лучшей чачи в мире. Из Гори!

— Чего ты тогда, Георгиевич, тут делаешь? Иди звони!..

Лиза открыла глаза, с трудом понимая и вспоминая.

— Молодец, девочка, как быстро пришла в себя. Умница. Сейчас поедем. Ты, Георгиевич, все еще здесь? — сказал Арон Маркович. — Иди звони.

Александр посмотрел на Лизу, снял перчатки и маску, взял за руку.

— Все, Лиза! Все хорошо!

— Спасибо, Саша... Спасибо всем... — тихо-тихо прошептала Лиза.

— Теперь для тебя, Лиза, все позади. Какая ты молодец... Что, гистологию принесли? Давайте!

Новых прочитал бумажку, посмотрел на всех повеселевшими голубыми глазами.

— Отлично! Все хорошо! Доброкачественная... Есть же Бог на свете! Слышишь, Лиза, — доброкачественная опухоль сальника.

Лиза тихо и очень невнятно прошептала:

— Спасибо всем... Спасибо!

— Ну что? Я, старый еврей, был прав: она хотела сказать, перед тем как с нашей помощью поспать, «Спасибо»!

* * *

Понурый сидит в своем кабинете, в мягком кресле главный врач Рудольф Стальевич Цыпик. А как не понуришься. Куда ни кинь — всюду клин! Не дал согласия на операцию — пошли! Взбунтовались и пошли. Все сделал, чтобы Новых не пришел, даже заставил Никулю позвонить старухе-матери. Говорят, что сработало, — с приступом сердечным слегла. Так нет же — пришел! Еще этот, старый орденносец, в больницу заявился. Герой, мать его!.. Что же это творится? Помрет сейчас дамочка на операции — и труба мне. Три раза, говорят, сердце останавливалось. А этот старый еврей со своим дружком вытащили с того света. Кто его дружка пустил? Как в операционную прошел?.. Что происходит?.. Почти шесть часов оперируют. И оперируют! Не умирает, и все тут. И эти, хирурги, мать их, не падают. А если не умрет? А если прооперируют? Мне же тогда каюк!.. Прознает Голицын о моих

делах. Доложат. Как пить дать доложат! Желающих-то найдется!.. Воц, Тёмкин, вроде свой, а ведь предаст, сука, предаст. И глазом не моргнет! Тогда мне не только в Москву — небо это мерзкое питерское в овчинку покажется! Э-э!.. Нет, такое допустить нельзя! Нельзя пускать все на самотек. Где этот гад Тёмкин? Час, как ушел, и ни слуху ни духу. Что там? О! О!..

Раздался томный голос секретарши Ники:

— Рудольф Стальевич, сейчас сообщили, что у Новых умерла мать.

— Молодец, Никуля, пятерка тебе за работу! Слушай меня внимательно. Надо, чтобы эта информация срочно была доставлена в операционную. Понятно? Срочно!..

Цыпик отключил связь и, радостно потирая руки, громко и весело сказал:

— Так! Сработало! Это уже то что нужно! Он сейчас спечется. Убежит! Не может не уйти, человек не машина. Даже если не побежит домой, все равно оперировать не сможет. А старикан, инвалид на костылях, один с молодняком не справится. Тёмкин так говорил? Или врал сука?.. Где он? Пропал! Может, сбежал от страха? С него станется!..

Потом подумал: «Коньяка бы сейчас грохнуть стакан да Никулю помять. Да, не дай бог, Голицын заявится. Все равно же придет, когда его *жинка*-красавица помрет. А может, и не придет — сразу уедет горе заливать? Лучше бы уж так. Что-то не хочется мне встречаться с ним по такому поводу».

* * *

Дверь без стука распахнулась. В кабинет ворвался, отталкивая Нику, Тёмкин.

— Отойди, сука, не до тебя... Они удалили опухоль!.. Представляете! Удалили! Двадцать килограммов! Взвешивали — в таз не влезла! И экстренная гистология — доброкачественная опухоль сальника!.. Семь часов! Семь!.. Она

трижды у них уходила, а они ее вытащили!.. Говорят, как только опухоль удалили, нормализовалось давление и сердечная деятельность... Класс!.. Завтра весь Питер, да что там Питер — Москва знать будет!

— Чего раскричался! Прикрой дверь. И не смей мою Никулю сукой обзывать. Она не твоя! Если уж сука, то только для меня. Понял?.. Ну и чего ты радуешься? Не ты же оперировал. Даже «на крючках», как вы, хирурги, любите выражаться, не стоял... Вылезать нам с тобой надо из этого дерьма... Они еще не выходили? Голицын где?

— Зашивают... Голицын там же, около операционной, сидит, курит.

— Слушай меня, тупой ты козел, Рома, что надо сделать: быстро беги к Голицыну и веди его сюда. Чего стал? Бегом! Пока они еще не вышли... Опоздаешь — убью! Или нас обоих убьют!.. Бегом!.. Галопом!..

Тёмкин, сообразив, что задумал главный врач, на этот раз точно прыгая через три ступеньки, бегом, побежал к операционной...

Успел, сволочь!..

Голицын сидел как сторбившийся старик. В руке дымилась сигарета. Стоящая на инструментальном столике пепельница была переполнена окурками.

— Алексей Иосифович, вас главный врач просит пройти к нему в кабинет. Он хочет вам сообщить что-то очень важное.

— Ну, вот и дождался!.. Зачем в кабинет?.. Говорите здесь!

— Нет, я не могу. Главный врач хочет сообщить это лично.

— Сережа, подожди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Голицын, сопровождаемый Тёмкиным и бесшумно появившимся охранником, тяжело, шаркая ногами, пошел в кабинет главного врача.

* * *

Александр вышел из операционной. Тихо подошла Наталья.

— Наташа, помоги мне снять халат. Устал, руки не шевелятся. У тебя нет с собой телефона? Я свой в ординаторской забыл. Сама знаешь, домой, маме, надо позвонить.

— Не надо вам звонить. Вам надо ехать!

Александр застыл с неснятым, застрявшим на руках операционным халатом. Хрипло спросил:

— Что?.. Как?.. Когда?

— Во время операции сообщили, да я не позволила вам об этом говорить.

— Может, ты и права, Наташа... Может, и права... Я пойду... Ребята пусть выпьют. Они заслужили... Я сообщу, когда и где буду хоронить. Быстрее всего, на Серафимовском, рядом с отцом. Она так просила. Там много таких, как они, — блокадных детей... Спасибо всем передай!

Александр повернулся, чтобы Наталья не увидела его слез, и быстро ушел.

Около операционной сидел мальчик, сын Лизы. Зло, исподлобья смотрел на Александра.

Александр подошел, положил руку на лохматую голову.

— Все хорошо, Сережа! Все хорошо!

— Правда? — и в слезы. — А папа пошел туда... зачем? Спасибо вам, спасибо! За маму.

Александр вздохнул, повернулся и быстро пошел прочь.

* * *

Распахнув дверь, в кабинет главного врача... влетел Алексей Иосифович Голицын, вице-премьер и муж Елизаветы Сергеевны Голицыной. Сильно состарившийся, с посеревшим и злым лицом.

— Что, погибла?.. Я так и знал!.. Я вас всех в порошок сотру! Семь часов, семь часов мучилась под вашими ножами...

Сволочи!.. Суки!.. Зачем ты меня сюда притащил? Чтобы сказать об этом?.. Дайте мне пройти к ней. Я хочу ее видеть!.. Подлецы!..

Резко повернулся и пошел к двери.

Цыпик крикнул в спину громко и радостно:

— Уважаемый Алексей Иосифович, успокойтесь! Ваша жена, слава богу, жива! Я хочу вам сообщить, что операция прошла успешно — опухоль удалена! Представляете, двадцать килограммов! И, кстати, гистология подтвердила наш диагноз: у вашей жены не рак.

— Что?.. Жива?.. Повторите, я не верю! — Голицын повернулся к Цыпику. На лице выразились и удивление, и испуг.

— Ваша жена жива!.. Мы, как и обещали, ее спасли!..

Голицын упал в кресло, заплакал.

— Боже!.. Какие вы молодцы, какие молодцы!.. У вас есть что-нибудь выпить?

— Коньяк, французский, будете?

Голицын нервно засмеялся:

— Я сейчас любую сивуху приму! Налейте, пожалуйста... у меня руки трясутся... Нет, не верю! Как же так? Все же оказались: и у нас, и там, за границей! Все!

Выпил. Обнял Цыпика.

— Молодец!

— Ну, наша хирургия, уважаемый Алексей Иосифович, не самая плохая, как вы, наверное, поняли. Стараемся. Коллектив по крупнякам, по каждому врачу отдельно собирали. Вот заведующий помогал все организовывать. Дополнительные бригады подготовлены были. Даже с другими больницами договорились, чтобы, если понадобится, помогли.

Голицын затряс руку заведующему хирургическим отделением Романа Романовича Тёмкина.

— Молодец!.. Молодцы! Чувствуется профессионализм и ответственность! Сказали бы, что у вас проблемы, — в миг бы все решили.

— Да что вы! — потупив глаза, сказал Рудольф Стальевич. — Помогать людям — это наша священная обязанность. Долг! Хоть и высокопарно, но правильно: нам люди доверяют самое дорогое — жизнь! И нет у нас права им отказывать! Нет!

Голицын налил в рюмку коньяк. Выпил один.

— Нет, какие молодцы! Сегодня же министру сообщу!.. Позвольте, я еще раз пожму ваши мужественные руки. Давайте, друзья, выпьем вместе.

Цыпик налил — все выпили. Голицын вновь обнял главного врача и заведующего. Поцеловал. Пожал руки. Еще раз налил. Выпил.

— Но вы же говорили, что лучше за границей?

Цыпик быстро (инициативу упускать нельзя):

— Это мы... чтобы не пугать предстоящей операцией ни вас, ни вашу жену. А то, сами понимаете, все начнут критиковать да завидовать, что мы, в отличие от других, взялись за такую сложнейшую операцию.

— Да-да! Я понимаю! Хорошо! Ой как хорошо... Кстати, скажите, а что это за дед с палкой в операционную как к себе домой прошел?.. А потом, к концу операции, вышел, подошел, посмотрел и говорит: «Ждешь? Ну жди! Тебе ничего не осталось, кроме как ждать! Переживай, это тебе полезно! А с женой твоей все будет хорошо. Это я тебе говорю...» И что-то еще, про Бога... И ушел.

Тёмкин заерзал, опустил голову и, вытянув вдоль тела трясущиеся руки, промычал:

— Ну, то...

Цыпик (что значит опыт) взглянул на посеревшего от страха Тёмкина:

— Это... наш консультант. На полставки. Раньше он заведующим хирургией был. Хороший доктор. Но заболел и ушел на пенсию. А какая у врачей пенсия... Вот поддерживаем, взяли на половинку ставки. Надо же своим помогать. Стараемся. Не бросаем!

— Еще раз скажу: молодцы! Да, пенсия. Повышаем, повышаем, сами знаете, все ресурсы направляем на улучшение жизни пенсионеров, да и бюджетников тоже. Но мало, мало... А больше увеличить — денег нет да и инфляция сразу все съест.

— Мы все понимаем, Алексей Иосифович. Мы не жалуемся.

— Ладно, с вашего позволения, я пойду. Наверное, ее уже перевезли в палату?

— Нам, Алексей Иосифович, сообщат. Сейчас ее переведут в реанимацию. Дня три, может, больше, она там пробудет. Я, думаю, спешить не надо. Отдельную палату и отдельный пост мы еще вчера организовали. Вот заведующий еще раз пойдет и все проверит... Идите, Роман Романович (незаметно от Голицына легонько, снизу, Цыпик машет ладошкой), идите, займитесь делом. Еще раз все проверьте, чтобы анестезиологи там чего-нибудь не напортачили. С них станется. Особенно с этого... как его... ну ты знаешь, о ком я.

Тёмкин тихо, на цыпочках, вышел из кабинета.

— Хорошо! Давайте еще по рюмочке. Все равно я пойду... к жене. Вас, Рудольф Стальевич, я прошу составить списки участвовавших в операции; лучше собрать — я хочу всех лично поблагодарить. И подготовьте, пожалуйста, заявку на необходимое вам оборудование и, если можно, смету на ремонт. Я обратил внимание, что, извините, бедновато у вас.

— Так бюджетное финансирование: все лимитировано, денег нет. Но мы не плачемся, стараемся. Федеральным клиникам легче: министерское финансирование, квоты на больных, больных на врача меньше, ну и зарплата...

— Я думаю, вам да и заведующему хирургией надо перебраться в хорошую федеральную клинику. В Москву. Заслужили! Я сейчас же переговорю с министром. Не возражаете?

— Конечно, жаль расставаться с хорошим коллективом, с больницей, в которую всю душу вложил, но начинать новое дело всегда интересно. Спасибо, Алексей Иосифович, за доверие!

— Что вы, что вы. Это вам огромное спасибо! Позвольте еще разжать вашу руку. Я не прощаюсь.

— Вас проводить?

— Нет. Я сейчас к операционной — сына обрадую. А потом к ней. Я думаю, она уже в палате. Мои охранники за эти часы всю больницу выучили.

Голицын вышел. Через неприкрытую дверь было слышно, как он сказал Нике:

— Какие у вас в больнице работают молодцы... Сидите-сидите, девушка. Это я должен перед вами стоять... Так, ребятки, пошли к операционной. Все хорошо! Она жива! Надо обрадовать Сережу.

Слышно, как Голицын скорым шагом, сопровождаемый охраной, ушел из приемной.

Цыпик, не двигаясь, громко крикнул:

— Ника, закрой дверь! — И уже тихо, для себя: — Хорошо бы подольше она у нас пробыла. Можно многое решить. Да не спугнуть бы — так хорошо все складывается. С Москвой-то не обманет?.. При такой-то должности — пальцем пошевелить легонько, и все. Трубочку поднять и минустрю позвонить. Господи, помоги! Неужели обратно, в Москву!.. Так, не расслабляйся. Еще неизвестно, что хирурги скажут... Надо, чтобы ничего не сказали.

Цыпик схватил со стола мобильный телефон, закричал в трубку:

— Тёмкин! Чего молчишь?! Где больная?.. Все приготовил? Смотри у меня... Он идет! Встречай...

* * *

Ласкающий слух главного врача голос секретарши Ники:

— Рудольф Стальевич, вам министр звонит.

— Какой министр?

— Наш, здравоохранения, Денежкина Анна Николаевна.

— Соедини быстро, дура!..

«Здравствуйте, уважаемая госпожа министр!» — «Ну, зачем так официально, Рудольф Стальевич, можно и по имени-отчеству». — «Здравствуйте-здравствуйте, уважаемая Анна Николаевна!» — «Я вас, Рудольф Стальевич, не отрываю от работы? Вы можете говорить? Если вы заняты, я позволю попозже, когда освободитесь». — «Ну что вы, госпожа министр, простите... Анна Николаевна, я весь во внимании». — «Мне позвонил вице-премьер правительства Голицын Алексей Иосифович и сообщил, что вы... в вашей больнице прооперировали его жену Елизавету Сергеевну. Поздравляю вас от всей души! Чувствуется профессионализм руководства. Я была не права, когда несколько на повышенных тонах разговаривала с вами в предыдущий раз. Извините, пожалуйста. Честно, но я не знала, что у вас такая хорошая больница. Я еще разберусь с моими подчиненными за недостоверно представленную информацию. Еще раз извините». — «Спасибо! Большое спасибо за столь высокую оценку нашего скромного труда. А за что извиняться?.. Я не помню!» — «Может, ее перевести к нам в Москву? Или пусть пока у вас? Как вы считаете?» — «Рановато. Она в реанимации, после операции. Мы делаем все от нас зависящее». — «Ну, от помощи-то не отказывайтесь; все, что необходимо, закажите у моего первого заместителя. Он предупрежден. Консилиум из ведущих в стране специалистов во главе с академиком Кудлатовым мы организуем. Ждите завтра-послезавтра. И конечно, хочу вам сказать, что вы молодец! Я думаю, вице-премьер прав: пора вам перебираться обратно, в Москву. Может, в федеральную клинику?.. А может, к нам, в министерство?.. Директором департамента или лучше заместителем министра?.. Нам такие профессионалы-практики ох как нужны!.. Соглашайтесь, не пожалее!.. Да и, думаю, Алексей Иосифович будет доволен». — «Спасибо за доверие, Анна Николаевна! На любом посту я буду

стараться исполнять с честью свой долг врача! — «Хорошо сказано! Ни убавить, ни прибавить. Я сейчас распоряжусь, чтобы подготовили приказ о вашем назначении. Подпишу и отправлю вам и губернатору города. Заранее подтвердим факсом, чтобы вы уже сейчас занялись кадровыми и другими вопросами по передаче дел. Так что, через две недели жду в министерстве, на новом рабочем месте». — «Извините, Анна Николаевна, за нескромный вопрос: почему через две недели?» — «Вы сами должны понимать, что такие вопросы так быстро не решаются. Нужны согласования. Как правило, срок — месяц-два, а то и больше. Вас, считайте, почти сразу. Понимаете почему?..» — «Да, я все понял. Огромное спасибо!..» — «Кого вы захотите вместо себя оставить главным врачом, вы сами решите на месте. Я думаю, что руководство города согласится с вашим мнением. Если хотите, мы позвоним заместителю губернатора». — «Я оставлю вместо себя заведующего хирургическим отделением Тёмкина... Он очень много сделал для лечения жены Голицына. Старался... Уважаемая Анна Николаевна, так как меня здесь не будет — думаю, что через три-четыре дня рассчитаюсь и уеду в Москву — очень соскучился по семье, по дому, по городу, то прошу направить бригаду консультантов как можно раньше. Сами понимаете, жена Голицына! Я хочу, чтобы перевод Елизаветы Сергеевны в Москву был решен, пока я здесь. Я никому не хотел бы это передоверить. Столько сил отдаю... столько сил... (со слезой в голосе) вы просто не представляете, чего только я ни услышал в свой адрес за эти дни... Простите!» — «Да-да, я вас понимаю. Еще раз прошу вас извинить меня за небольшую грубость. Некую шероховатость... Надеюсь, вы не говорили о нашем с вами предыдущем разговоре Алексею Иосифовичу?» — «Ну что вы! О чем вы, госпожа министр?.. О каком разговоре? Не было никакого разговора». — «Договорились!.. Тогда до встречи. Приказ будет подготовлен и вам направлен. Держите меня

в курсе о состоянии Елизаветы Сергеевны. Еще раз спасибо. До свидания!» — «Спасибо! Спасибо вам, Анна Николаевна, за добрые слова в мой адрес. Вы не пожалеете о принятом решении. Я приложу все силы, все свои знания, весь опыт на благо нашего народа, государства, отчизны!.. На улучшение работы руководимого вами министерства здравоохранения и социального развития. Весь свой практический опыт... До свидания, глубокоуважаемая Анна Николаевна!..»

Гудки раздались раньше, чем Цыпик закончил говорить.

Рудольф Стальевич тихонечко положил телефонную трубку, вытер ладонью проступивший пот на лбу, налил в рюмку коньяк. Выпил. И зло сказал:

— Разбежалась, корова! Так я и отдам тебе мою больную! Вот вам (сложил пальцы в кукиш) всем! Много сейчас вас таких появится на чужое-то добро. Открыли варежки! Не выйдет!.. В отличие от всех вас только мы смогли эту операцию сделать... Я думаю, и орден дадут!.. Дадут, куда денутся!.. Господи! Не спугнуть бы такую удачу... И подумал: «Так, что у нас сейчас главное? Убрать в тень наших героев!.. Ну, это мы умеем. Этому мы можем и других научить!»

Налил рюмку. Выпил. И начал, пританцовывая, что-то фальшиво напевать себе под нос, приговаривая:

— За удачу! Заслужил! Заслужил, твою мать! Три года терпел. Как в тюрьме пробыл! До чего же хорошо!.. Так, не расслабляйся. Надо позвонить своей любимой женушке. Коровушка моя. Сучка, с кем-нибудь, наверное, сейчас катается в моей кровати... Нельзя пока разводиться... Тесть, сволочь, мешать начнет. Слишком много знает старый партийный козел!

Набрал на телефоне номер и сказал вкрадчивым, тихим голосом:

— Здравствуй, любимая! Как ты там?.. Скучаешь?.. Я тоже без тебя совсем измучился... Спать не могу. Что?.. Не веришь?.. Послушай, дорогая, я не могу тебе всего говорить сей-

час по телефону, но ты пока машину, которую хотела купить, не покупай. Я думаю, для нас такая будет не престижна!.. Лучше купить покруче!.. «Бентли»! Что, денег не хватит?.. Займи. В банке возьми... под любые проценты... Теперь все отобьем!.. В общем, чтобы через три дня машина у дома стояла! Я понятно изъясняюсь?.. Ну всё, всё, подробности потом, дома. Целую!.. Почему дома? Так скоро приеду... Ты там в нашей спальне-то приберись... А не то я могу и ноги выдернуть, если что не так!.. Понятно говорю?.. Целую, любимая!..

И опять подумал: «Может, сообщить моей крошке Никочке?.. Нет, не спеши. Еще разболтает... Да и нужна ли будет мне эта крошка? Думаю, не нужна. Со своим-то самоваром да в Москву. Засмеют! Ей-богу, засмеют!.. А хрыч-то старый, Гром, как в воду глядел... Эх, рюмочку, рюмочку!..»

Через два часа вновь раздался голос Никочки:

— Рудольф Стальевич, вам звонит губернатор. Соединить?

— Ты совсем, дура, нюх потеряла. Соединяй срочно!..

«Здравствуйте, госпожа губернатор...» — «Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Рудольф Стальевич!.. Ну не любите вы нас! Все-то мы последними узнаем хорошие новости. А жаль. Мы все-таки для вас не чужие. Свои, так сказать, местные. Нет, не любите вы нас, не любите». — Ну что вы...» — «Подождите-подождите, Рудольф Стальевич. Я хочу вам сказать от себя лично, от всей администрации города, комитета по здравоохранению большое спасибо за прекрасно выполненную операцию, за преданность своей врачебной клятве. Мы очень рады, что в нашем городе есть такая больница, такое руководство больницы, такие врачи. Хотя вы и москвич, но нам приятно, что вы утерли нос вашим московским коллегам. Это здорово!.. Я, наверное, немножко в прошлый раз была неправа, повысив на вас голос и сказав неприятные для вас слова? Не обижайтесь...» — «Что вы, что вы, госпожа губернатор, какие слова? Ничего подобного не было. Мы просто выполнили свой долг!..» — «Я знаю, что вы уезжаете, и нам

очень жаль, что наш город покидают такие высокопрофессиональные врачи. Кого бы вы ни предложили на ваше место, мы согласны с вашим мнением. Но нам очень жаль, что вы уезжаете. Может быть, останетесь?.. Возглавили бы комитет по здравоохранению. Конечно-конечно, заместитель министра здравоохранения — это несравнимая должность... Очень надеемся на дальнейшее плодотворное с вами сотрудничество. Приезжайте в наш город. Всегда будем рады. Кстати, нескромный вопрос: вы говорили о нашем предыдущем разговоре с Алексеем Иосифовичем?..» — «Ну что вы, о каком разговоре? Я не помню. Спасибо вам, госпожа губернатор, за добрые слова в мой адрес, но я честно очень хочу вернуться домой, в Москву. Вы уж извините меня». — «Что вы, какие извинения. Удачи вам на новом поприще. На благо всех наших граждан. Всего хорошего...»

В трубке раздались короткие гудки.

— Спасибо!.. — прокричал Цыпик и бросил трубку. — Ишь ты, как узнала, что Голицыну не жаловался, так все — привет-пока. Да и хр... н с тобой. Плевать я хотел на твой город! Меня Москва ждет!..

* * *

Через два дня в кабинете главного врача был накрыт стол. На столе бутылки, закуски.

В кабинет вошли хирурги Олег, Алексей и интерн Виктор.

Главный врач Цыпик, выпивший, с маслянистыми глазами, разведя широко руки, сказал добрым-добрым голосом:

— Проходите, проходите, уважаемые коллеги. Вы герои, настоящие герои! Подходите к столу, не стесняйтесь, наливайте... Что они у тебя, Роман Романович, такие стеснительные?.. А, рабочий день... Сегодня можно — я разрешаю. Молодцы!.. Как на подвиг, так впереди всех! А так, смотрите, какие стеснительные. Ну что ты, Романыч, застыл? Помог

своим товарищам освоиться. Налей, поухаживай, наконец... Семь часов! Семь! Сложнейшая, уникальнейшая операция. И это в наших-то условиях. Молодцы! Какая слава больнице!.. Вы не стесняйтесь, дорогие друзья, прошу вас — выпивайте, закусывайте... Молодой человек, позвольте с вами познакомится... А еще говорят, что у нас не та молодежь. Еще какая та! Вот она — наша смена! Молодец!.. Я думаю, после интернатуры — в нашу больницу?

— Почту за честь!

— Ответ не мальчика, но мужа. Молодец!.. Я вас собрал, уважаемые коллеги, друзья, чтобы от моего имени и от всей администрации больницы поблагодарить вас за успешно, блестяще проведенную сложнейшую операцию. Руководство больницы объявляет всем благодарности с занесением в личные дела, а также, что, думаю, немаловажно, премирует каждого премией в размере оклада... Вам тоже, уважаемый наш молодой коллега... Заведующего прошу вручить... Романыч, шевелись, коллеги ждут! Распишетесь потом. Не бегать же сейчас в бухгалтерию... Кстати, где врач... этот, как его... Новых?

Олег удивленно:

— У него умерла мама. Он занят похоронами. Я его заявление на отпуск «за свой счет» у вашего секретаря оставил.

— А, да-да, совсем замотался с этой чертовой работой. Дни и ночи в больнице!.. Я его подписал. Ой, как плохо. Мы обязательно дадим соболезнование. Роман Романович, надо помочь коллеге с похоронами... Я распоряджусь, чтобы помогли материально. Немного, но что поделаешь — простая больница, скромный бюджет. Машину надо организовать. Роман Романович, ну серьезней надо, серьезней... Переговорите с... этим, как его, опять запаматовал... Новых... Потом мне доложите... Наливайте друзья, наливайте. Закусывайте. Вы дело свое сделали, прекрасно сделали... Я сегодня разговаривал с министром здравоохранения и социального развития Анной

Николаевной Денежкиной, она просила предать вам ее личную благодарность.

— Вот это да!.. Ура! — сорвалось с уст жующего бутерброд с черной икрой Студента.

Дверь в кабинет главного врача открылась и вошел Алексей Иосифович Голицын с помощником, несущим в руках красивые объемистые пакеты.

— Здравствуйте, друзья! Давайте знакомиться. Голицын Алексей Иосифович, вице-премьер правительства России.

Голицын подошел к врачам и пожал им руки.

— Молодцы!.. У, какой молодой человек! Вот она, наша молодежь... Прошу налить... Я хочу сказать, что вы своим трудом, знаниями, своим искусством, любовью к своей профессии вернули самое дорогое для меня — мою жену! Мою Лизу! Вы вернули к жизни не только ее, вы вернули к жизни меня!.. Я хочу выпить за вас! За вас... Сейчас мой помощник вручит вам небольшие подарки. Я думаю, хороший коньяк для вас и хорошие духи для ваших жен и любимых вы не откажетесь принять?.. Там еще небольшие конверты. Это, считайте, лично от моей жены. Я надеюсь, что ваше руководство со своей стороны вас тоже наградит... Давайте выпьем!

Все выпили стоя.

— Мы уже наградили наших героев премией, — громко и радостно сказал главный врач Цыпик.

Охмелевший Студент заплетающимся языком выдал:

— День подарков...

— А где этот ваш уникальный хирург? Я хочу его видеть, — спросил Голицын.

Тёмкин, опустив голову, тихо произнес:

— У него болеет мать, и он дома.

— Жаль. Я обязательно с ним встречусь отдельно.

Цыпик сказал вежливо и подобострастно:

— Пожалуйста, не беспокойтесь, Алексей Иосифович. Мы все ему передадим.

— А где этот старик? Консультант.

— Он тоже дома. Мы после операции отправили его домой, на машине... Мы вам докладывали. Все-таки старенький человек. Приболел... Потом мы сами съездим к нему домой и передадим ваш подарок.

Олег, обернувшись к своим товарищам, тихо произнес:

— Вот врет. Гром-то немного посидел в сестринской, чайку с рюмкой спирта выпил да и поехал на трамвае домой. Я ему звонил после операции, сказал о смерти матери Александра Владимировича... Расстроился... Лежит, сердце прихватило... Устроить скандал, что ли?..

Тёмкин, услышав, тихо и зло прошипел:

— Только попробуй! Чего ты при премьере скандалы устраиваешь? Не наше это дело. Знаешь же, начальники между собой всегда договорятся. А ты крайним будешь. Тебе это надо? У тебя вся жизнь впереди. Хочешь ее испортить?

— Нет!.. Давайте выпьем.

— Вот так-то лучше!..

— А сейчас прошу меня извинить, но меня ждут на заседании правительства. Кстати, председатель правительства просил передать вам большое спасибо! Он очень рад, что у нас есть такие врачи. И руководители тоже. И министр здравоохранения просила передать вам благодарность. Кстати, Рудольф Стальевич, вы получили приказ министра здравоохранения?.. Нет?.. У меня он есть. — Голицын обратился к помощнику: — Дайте! — Взял протянутый лист и передал документ главному врачу Цыпкину. — Читайте! Знакомьте ваших героев.

Интерна Витьку совсем развезло. Где еще такая выпивка и закуска попадетсЯ?.. Халява, блин!

— А что за приказ?.. Еще по премии?

Цыпик от волнения мнетсЯ, старается найти очки.

Голицын, по-своему поняв волнение главного врача, заговорил громко и внятно, как умеют говорить люди, привыкшие повелевать:

— Тогда вкратце, если позволите, я сообщу... Приказом министра здравоохранения ваш главный врач назначается заместителем министра здравоохранения... Что застыли? Радуйтесь!.. Наливайте, друзья, я хочу с вами выпить, ну и с новым будущим заместителем министра здравоохранения!.. Когда приступаете к должности?

Рудольф Стальевич посмотрел в приказ, посчитал, шевеля губами и пальцами, и, закатив глаза, громко сказал:

— Через десять дней.

По кабинету пронеслись возгласы: «Вот это да!.. Обалдеть!.. Здорово!.. Расскажу своим сокурсникам — не поверят!..».

Тёмкин закричал громче всех:

— Ура! Это правильно! Заслужили, Рудольф Стальевич! Ей-богу, заслужили!

— Ну вот вроде бы и все. Еще раз огромное вам спасибо! — Голицын обратился к Цыпику: — Не забудьте о заявках... Я правильно понял, послезавтра приедет бригада врачей из Москвы? Держите меня в курсе... Помощника я оставляю здесь, при жене. Все вопросы, любые, — сразу через него на меня... До встречи в Москве... Я слышал, Рудольф Стальевич, что о вас готовится статья в центральной прессе и будет большой репортаж на центральном телевидении? Не уезжайте, пока не дадите интервью. И лучше на фоне вашей простой российской больницы, где люди так бескорыстно и мужественно выполняют свой долг... Прошу меня извинить. До свидания, друзья. Еще раз всем вам спасибо... Я — к супруге. Я ее узнать не могу: похорошела, помолодела!.. Какие вы все-таки молодцы!..

— Я с заведующим отделением вас провожу? Если вы не возражаете.

— Что вы, товарищ Цыпик, я вам так благодарен, что какие могут быть возражения... Прошу вас, Рудольф Стальевич, передайте мое восхищение отсутствующим здесь докторам. Мне очень жаль, что я их не увижу. Но я надеюсь еще встре-

титься с ними и пожать их драгоценные для моей семьи руки. Подарки для них я оставляю вам. Не забудьте передать.

— Что вы, что вы, Алексей Иосифович, как можно. Всё сделаем, всё передадим. Вызовем сюда, в кабинет, и торжественно, в присутствии коллектива подарим от вашего имени. Не беспокойтесь.

Голицын дружелюбно кивнул головой всем присутствующим и вышел из кабинета в сопровождении главного врача и заведующего хирургическим отделением.

Студент, покачиваясь: «Как в сказке. Я сейчас упаду». — «Не падай! Садись за стол... Давайте, мужики, выпьем, пока начальство отсутствует. Может, нам уже надо уходить?.. Жаль, Александра Владимировича и Ивана Ивановича с нами нет. С Громом-то они здорово выкрутились... Суки!» — «Интересно, кто у нас будет главным?» — «Неужели не догадываешься? Тёмкин! Кто же еще. На пару с главврачом все провернули». — «Жалко Александра Владимировича, сейчас точно уедет на свой север, а то бы — заведующим! Я с ним разговаривал — уезжает. Завтра мать хоронит, пишет заявление и уезжает». — «А ты бы стал работать в городе, где убили твою мать, и, может быть, даже лечить этих убийц?.. Я бы не смог. Надо съездить всем — выразить соболезнование. И Ивану Ивановичу позвонить». — «Жалко мужика. Хирурга мы такого где найдем?» — «Вернули бы Грома...» — «А что в конвертах, я не смотрел?» — «Я посмотрел. Не поверите — три тысячи евро! Пятисотками!» — «Не может быть! Каждый бы день за такие деньги сколько угодно готов стоять за операционным столом!» — «А это не взятка?» — «Какая взятка?! Ты же не просил. Сами дали! И не в карман!.. Не вытаскивай. Ты ничего не видел. Дома откроешь... Да и кто поверит, что вице-премьер страны дает взятки? Братъ — да! Но чтобы давать?.. Ты, Витя, перепил!» — «Я маме шубу куплю. У нее никогда шубы не было». — «Правильно, Студент, купи матери шубу. И мы своим тоже что-нибудь хорошее

купим!» — «Как вы думаете, Новых и Грому они подарки отдадут?» — «Подарки — может быть. А конверты точно нет. Да и не возьмут они этих подарков с конвертами». — «Почему?» — «Старая ленинградская школа». — «А мне Александр Владимирович предложил после интернатуры на север к нему приехать... Ну и зачем я буду там свою задницу морозить, когда здесь такие бабки можно получать? Не, не поеду! Я лучше останусь здесь... К Тёмкину пойду». — «Быстро ты, Студент, сообразил. Далеко пойдешь! Впрочем, может быть, ты и прав... Как думаешь, Олег?» — «А черт его знает. Может, и прав!»

В кабинет вошли, радостно переговариваясь между собой, Цыпик с Тёмкиным.

Тёмкин громко и радостно обратился к докторам:

— Давайте выпьем за нашего главного врача — нового заместителя министра здравоохранения... и социального развития.

— Молодец! Правильно поправился, — сказал довольный Цыпик.

Все выпили стоя.

В кабинет вошла, испуганно и осторожно, секретарь Ника. Заикаясь, обратилась к Рудольфу Стальевичу:

— Рудольф Стальевич, пришел приказ министра здравоохранения и социального развития. Вы — заместитель министра! Я посчитала — через десять дней.

По кабинету разнесся смех.

— Уморила, Никуля. Проходи, выпей с нами! Мы уже давно отмечаем... Чего ревешь?

— Вы в Москву. А как же я?

— Может, с собой возьму. Все зависит — как себя поведешь. Сейчас садись за мой стол и пиши приказы... Первый. Назначить исполняющим обязанности главного врача больницы заведующего хирургическим отделением Тёмкина Романа Романовича. Второй. Назначить заведующим хирургическим отделением больницы... Кого, Рома?

— Рудольф Стальевич, можно мне подумать?

— Твое дело. Только не затягивай. Я долго собираться не буду. Пара дней — и все, домой. В Москву, в Москву... Наливайте. Давайте выпьем за нового главного врача. За Тёмкина Романа Романовича.

Хирурги выпили тихо, без возгласов.

Тёмкин вдруг сказал рассерженно и зло:

— Нам нужен новый ведущий хирург, другой Новых. Я ему звонил... Он не пожелал со мной разговаривать... послал. Сказал, что уезжает... А вы представляете, сколько сейчас будет желающих оперироваться в нашей больнице? Из-за границы приедут. Только успевай поворачивайся.

— Кстати, Рома, вице-премьер да и министр здравоохранения обещали помочь с оборудованием. Готовьте заявку. Не тяните. Быстро надо, пока не забыли... Заявку дайте мне. У меня там, в Москве, кореша поставками медицинского оборудования занимаются. Я все устрою! Хотите, я вам и нового заведующего пришлю из Москвы?

— Кто же толковый захочет из Москвы да в нашу глухомань? Можно, Рудольф Стальевич, я здесь поищу?

— Твое дело, Рома. Мне, в общем-то, наплевать. Кстати, Никулю я оставляю тебе.

Ника разрыдалась и выбежала из кабинета главного врача.

— Тоже мне цаца. Зачем она мне в Москве? Бери — она девка хорошая и в кровати не капризная. Бери — дарю!

— Но мы надеемся, что вы про нас в Москве не забудете, — сказал Темкин

— Вас забудешь! Один Гром чего стоит! Вот несносный маразматик. И как только таких злых стариков земля держит. Побыстрее бы сдох! Тоже мне, классный хирург... А сейчас, уважаемые коллеги, самое главное: с каждого из вас, и с тебя интерн тоже, по пятьсот евро. Мне!

— За что?!

— Да кто бы вам позволил такие эксперименты проводить с женами первых лиц государства? Только благодаря мне вам позволили оперировать Голицыну. Понятно? Это мне компенсация за вредность. Слишком много и долго за вас переживать пришлось, а уж что выслушать... то вам лучше не знать.

В наступившей тишине вдруг раздался молодой пьяный голос:

— А я не дам! Я не работаю в вашей больнице. Я интерн. Мне мои копейки комитет по здравоохранению платит. И вообще, я лучше маме шубу куплю!

— Правильно, Студент!.. Извините, Рудольф Стальевич, но мы тоже не дадим. Не заслужили вы... Пойдемте, мужики, нас больные ждут! — сказал Олег.

Врачи, не попрощавшись, дружно вышли из кабинета главного врача.

— Нет, какие они у тебя, Рома, наглецы. Ну что же, значит, ты за них и заплатишь. С тебя, Рома, десять тысяч европейских рублей. Пятисотками.

— А с меня-то за что... столько?

— За должность, Рома, за должность. Считай, бесплатно отдаю. По нынешним временам раз в двадцать больше надо бы взять... А не хочешь — не давай. Сейчас Нику кликну да при тебе же приказ о твоём назначении и порву. Ну как?

— Вы... мародер!

— Не, я твой друг, Рома. Друг!.. Давай деньги гони.

— Так нет у меня таких денег.

— Не смейся, Рома, в конверт-то, что от Голицына, давно уже заглянул? А?.. Там они лежат, там. Мне — пятнадцать, тебе — десять, а твоим поганеньким докторам — по три. Я все знаю, Рома... Такса известная... Я в этих вопросах ас! Учись, Рома! Давай конверт, давай, не тяни. Еще с Никулей надо познакомиться, до того как она к тебе в койку перепрыгнет.

В притихшей квартире на Петроградке раздался телефонный звонок: «Александр, это Гром». — «Здравствуйте, Иван Иванович!» — «Александр, прими еще раз мои соболезнования. Когда уезжаешь?» — «После девятого дня. Там уже ждут. Говорят, что рады моему возвращению. Наверное, искренне, раз сам министр здравоохранения края позвонил и предложил вернуться на работу. Может, начать все с начала: пойти работать простым хирургом?» — «Александр, поверь мне, старику, ты давно не простой хирург. Тебе нужна и хорошая клиника, и хорошие ученики». — «Спасибо за совет». — «А мне нужен твой совет!» — «Мой? Вам? Ну что вы...» — «Нет, ты меня послушай, прежде чем отказывать. Мне несколько минут назад позвонил этот... Тёмкин, бывший заведующий, а теперь, как я понял, главный врач. Надо же, как быстро время летит. И пожить не успею! Ты послушай меня, не перебивай. Он предложил мне вернуться в хирургию. Ну, хотя бы на полставки. Умолял, только что на колени не падал. Это он — мне!.. Подлец!..» — «А он не так глуп, как казался или прикидывался. Идите! Было два подлца — остался один. Второй в Минздрав перешел, быстро оформился, за один день. Заместителем министра!» — «Да?! Я думаю, что это твоя прямая заслуга. Не обижайся, но на чужих трудах праведных кто-то и палаты каменные строит. Пусть катится из нашего города! Дышать легче будет всем! Туда ему и дорога. Там ему самое место! Как раз для него. Там в последние годы кто только ни руководил: и генералы, и сталевар, и бухгалтер. Можно ставки ставить — кто следующий? Я думаю, дворник! Подметать, точнее, выметать там надо!.. Пусть разбавит, сволочь». — «Крепко сказано, но точно! Идите! Он сейчас без вас как без рук. После столь удачной операции... Слава — капризная штука: сегодня есть, а завтра нет. Ему хирургия вот как нужна! Идите, он для вас, для хирургии, все, что пожелаете,

сделает. Ему нужен хирург! Такой хирург, как вы... Ну чего вам дома-то сидеть? Ребятам поможете стать классными хирургами. Из них точно получатся. А Студенту я предложил после интернатуры приехать ко мне, на север... Он, как и я, из рабочей питерской семьи. Для него высшее образование, да еще врач, — счастливая карта. Единственный шанс выбиться из своего нынешнего нищего круга. Он хороший парень, пока не испорченный современной жизнью. Я из него великолепного хирурга сделаю. У него все задатки для этого есть. Главное — искреннее желание оперировать, помогать людям. И редкое качество в наше-то время — бескорыстие. Пусть едет ко мне! Пока не испортили». — «Насчет Студента не спеши — время покажет. Ему еще интернатуру окончить надо. А голова-то от такой славы ой как закружится! Не спеши! Поверь мне, старику. Себя вспомни — хотел ли ты из Питера да на север?» — «Честно — нет!» — «Вот то-то... Разумен ты, сынок, не по годам. Можно я буду называть тебя «Саша»? Я ведь бобыль: детей Бог не сподобил, жена любимая умерла. Я всегда хотел иметь такого сына, как ты». — «Ну, вот и родители в вашем лице вернулись. Спасибо!.. Тогда... отец... приезжай-ка ко мне в гости; я вам... тебе такую рыбалку устрою, со скоросолкой, да под водочку, да в тундре, да на свежем воздухе, да ранним летом, когда лед по реке сбегает в океан, под незаходящим солнцем. Ух! Как же там хорошо! Приезжай! А захочешь у меня остаться — рад буду... отец!» — «Обязательно приеду... сын!»

* * *

В благодушном расположении духа был бывший главный врач больницы, а теперь, считай, без пяти минут заместитель министра здравоохранения и социального развития Цыпик Рудольф Стальевич. Бумаги рвал, фотографии жены бросал

в коробку. Смотрел по ящикам стола, как бы чего лишнего и, не дай бог, компрометирующего не оставить... Вроде бы все чисто. Подтер за собой. Нашел старую бутылку трехзвездочного коньяка российского разлива. Постоял, подумал: «Выкинуть, что ли? Ладно, позже... Сегодня Голицыну увезут, а завтра и мы в Москву... И все — через неделю заместитель министра! Заместитель министра Цыпик! Звучит! А там, смотришь, и до министра недалеко! За жену-то Голицын и министром меня сделает. Он мне должен!»

Сладостны были думы бывшего главного врача.

В приемной ранее рыдавшая, а теперь успокоившаяся от того, что Тёмкин ее оставляет при себе, прихорашивалась, нанося тушь на свои короткие ресницы, секретарша Ника.

Она так и застыла с рукой, поднятой к полуподведенному глазу, когда вошел Александр Новых с листком бумаги в руке и, не спрашивая, направился к двери кабинета главного врача.

— Вы куда это идете? Рудольф Стальевич никого не принимает. Если вы к главному, то вам надо подождать Тёмкина Романа Романовича. Его сейчас нет, он с приехавшими московскими академиками и профессорами в стационаре.

Новых остановился пораженный.

— Ну-ка еще что-нибудь произнеси!

— Что вы имеете в виду?

— Это... ты? Это ты... звонила моей матери?

Ника вдруг сникла, сжалась, как человек ожидающий удара.

— А вы?... Новых?

Чем себя и выдала.

Потом быстро нажала кнопку на телефоне и закричала:

— Рудольф Стальевич, к вам рвется этот... Новых! Что мне делать?

— Да пусть войдет. Попрощаться, наверное, хочет перед моим отъездом, признательность выразить. Сама видишь:

целыми днями звонки и целыми днями посетители. Все прощаются, плачут, жалеют, что уезжаю. Пусть войдет.

— Но...

Ника не успела договорить, Александр Новых прошел в кабинет и закрыл дверь.

— Так что у вас, товарищ Новых?

— Я хочу, чтобы вы подписали мое заявление об увольнении с сегодняшнего дня.

— Опоздали. Я уже не главный врач. Обратитесь по этому вопросу к Тёмкину.

— Я хочу, чтобы мое заявление об увольнении подписали именно вы.

Александр положил лист бумаги на стол.

— Увольняетесь?.. Ну, это ваше дело. Надеюсь, обратно на север. Бр-р. Не буду вам отказывать в последней просьбе. Я сегодня добрый! Завтра все, в Москву!

Цыпик взял ручку и размашисто написал, столбиком, в левом верхнем углу: «Уволить. Отделу кадров — оформить. Бухгалтерии — рассчитать». И подписался.

— Всё? Идите... Да, чуть не забыл. Вам просили передать в знак благодарности от Голицына коньяк... не очень, конечно... российский, три звездочки... но это не нам решать.

— Неужели ты думаешь, что я из твоих поганых рук что-нибудь возьму?.. Я не мог поверить, что ты, врач, — такая мразь! А голосок твоей секретарши услышал и все понял. Это ты убил мою мать! Она позвонила... и вы вместе убили ее. Подлец!

— Что это вы себе позволяете? Да я вас...

Александр Новых резко, не размахиваясь, ударил ладонью по холеному, породистому лицу Рудольфа Стальевича.

От пощечины голова Цыпика дернулась, щека сразу вспухла. Рот открылся, и со слюной изо рта послышались какие-то нечленораздельные шипящие звуки:

— Да я... Да ты знаешь, кого ты ударил? Я — заместитель министра здравоохранения, чиновник высшего ранга...

Я тебя раздавлю, в тюрьму отправлю, на твой поганый сервер... на пожизненное!..

— Это тебе за мою мать, от меня и... моего отца. Отец бы тебя убил... Ты — дерьмо! Ничего ты не сделаешь. Побоишься, что я сейчас либо Елизавете Сергеевне, либо ее мужу, вице-премьеру Голицыну, позвоню и все про тебя расскажу. И тогда тебе конец! Ты трус! Ты всю жизнь трясешься от страха! Не говорю, потому что хочу, чтобы такая сволочь, как ты, убралась из нашей больницы и из нашего города! Ребят жалко! Ничего, в Москве тебя быстро раскусят и выкинут. Не нужен ты там. Там тоже нормальные люди живут... Живи и дрожи!

— Такие, как ты, всегда и во все времена мешаєте нам, нормальным людям, хорошо жить! Вы мешаєте не только нам, руководителям, но и государству, его спокойствию. Вы — враги государства! Вас таких надо сразу при рождении ссылать на ваш север, подальше от цивилизации.

— Если цивилизация в нашей стране — ты и тебе подобные, то точно лучше жить на севере. Подальше от такого дерьма...

Александр Новых вышел из кабинета. Посмотрел на съжившуюся Нику.

— Жаль, что я не бью женщин. Да и какая ты женщина, если помогла этому ублюдку убить старую женщину, ленинградку, блокаду пережившую. Таких, как ты, не люди — Бог наказывает!

* * *

Оформив увольнение, Александр пришел в ординаторскую хирургического отделения. За столом в одиночестве сидел, заполняя историю болезни, интерн Виктор.

— Ой! Здравствуйте, Александр Владимирович! Как вы?.. Олег с Алексеем на операции, а мне Тёмкин приказал готовить выписку на Голицыну.

— Какую выписку?

— Ой! Совсем вы не в курсе происходящего, Александр Владимирович? Ее от нас переводят в Москву: аж специальный самолет прилетел с московскими врачами во главе с самим академиком Кудлатовым.

— Как переводят?..

Александр бежал по коридорам, мимо лифта, по лестнице, туда, где кто-то чужой увозил Лизу. Его Лизу.

Палата реанимации, куда после операции положили Лизу, была заполнена людьми в халатах.

Около палаты приезжие врачи готовили какую-то особенную каталку, с установленными капельницами и различными мониторами, больше похожую на маленький космический корабль.

Подумалось зло: «Надо же, какая техника! А как оперировать, так простой хирург Иванов. Интересно, в лифт-то влезет? А, да что там, надо будет — стены сломают... О чем это я?.. Лиза!»

Александр стал осторожно отодвигать врачей и приближаться к кровати, где лежала Лиза. Она что-то бодро говорила окружившим ее кровать врачам.

— Позвольте, я пройду.

— Вы что себе позволяете, молодой человек? — недовольно сказал Александру очень толстый, маленький, с короткими ручками, лысый человек и обратился к стоящему рядом Тёмкину: — У вас все такие? — И опять к Новых: — Вы кто?

— Я лечащий врач больной Голицыной.

— Ах вот вы кто! Где это вы *шляетесь*? Заставляете заведующего отделением, а теперь, как я понимаю, главного врача докладывать нам о больной.

— Я?.. Я оформлял свое увольнение.

— Это не повод опаздывать. Я академик Кудлатов...

— Я узнал вас, Степан Степанович.

— Видите, — Кудлатов жеманно повернулся к окружающим врачам и взмахнул короткими толстыми ручками, — меня узнают даже здесь, на периферии... Вы у меня учились?

— Нет, читал ваши умные книжки... Все-таки позвольте мне пройти к больной.

— Потом, потом, когда мы переговорим, обсудим тактику транспортировки Елизаветы Сергеевны в Москву, у вас, может быть, будет несколько минут. Тем более, как я правильно понял, вы уже не лечащий врач Елизаветы Сергеевны.

— Выйдите все из палаты, — прозвучал Лизин голос, тихий, но четкий. — Все! И вы, профессор. Я хочу поговорить с Александром Владимировичем наедине.

— Елизавета Сергеевна, позвольте, но... это безобразие. Я, академик Академии медицинских наук, профессор...

— Не позволю! — Лиза перебила властно и жестко. — Я еще раз прошу всех выйти из палаты! Мы поговорим с Александром Владимировичем, а потом вы делайте свое дело.

Все гурьбой, не замечая рангов, толкая друг друга, устремились из палаты. Кудлатов на ходу что-то шептал Тёмкину на ухо.

Дверь закрылась. Стало тихо.

— Круто! Какой божественный голосок — все разбежались от страха менять штаны.

— Не смейся, а то швы разойдутся. Здравствуй, Саша! — И, заплакав, сквозь слезы Лиза продолжила: — Это из-за меня? Да? Мне все Наталья рассказала. Она за мной как за ребенком ухаживает. Только что сиделкой ночью не сидит. Здесь такие люди, Саша. Господи, какие люди здесь работают! Олег с Алексеем меня лечат. Говорят, что согласовывают свои действия с тобой. Вот трубки из живота сегодня удалили. Говорят, что я очень хорошо иду после операции... Саша, мне так жаль Ксению Ивановну. Мне так жалко тебя. Саша, прости меня!.. Говорят, что она была при смерти, а ты ушел меня оперировать. Прости!..

Лиза заплакала.

— Поплачь, Лиза. И мне легче будет. Мама знала, что я должен тебя оперировать, поэтому и сказала мне рано утром: «Иди, спаси Лизаньку. Двоих ты все равно не спасешь. Иди!» Они с отцом почему-то всегда называли тебя «Лизанька», «наша Лизанька». Любили они тебя... И поцеловала, и перекрестила на прощание, как будто знала, что видит меня в последний раз. Осталась с соседкой. Она и позвонила во время операции и сообщила, что мама умерла. Сказали бы, да Наталья, молодец, запретила. У меня еще тогда, во время операции, когда постовая медсестра что-то шептала Наталье, сердце екнуло... Боюсь, если бы сказали, не выдержал бы... Нет, не ушел. Руки бы опустились... А Гром к тому времени уже уехал.

— Прости меня, — сквозь слезы и рыдания проговорила Лиза. — Прости! Я Наталью заберу к себе. Она очень хорошая женщина. Редкая.

— Куда к себе? В гувернантки? Да она до мозга костей медсестра. На таких, как Наталья, вся российская медицина держится. И так вся трещит по швам. Такие, как она, уйдут — и можно больницы закрывать на замок... Ладно, зачем о грустном... Как ты?.. Посмотрите — щечки розовые, глазки блестят, голосок ангельский.

Александр взял Лизину руку, пощупал пульс и, не отпуская, а беря ее ладонь в свою ладонь, сказал:

— Хороший пульс. Сердечко бьется, как у молоденькой девушки, спешащей на свидание.

— Все шутишь, Саша... Скажи, ты сейчас уедешь? Туда, на север?.. Кстати, мне Наталья все порывается что-то рассказать по поводу вашего, теперь уже бывшего главного врача. Говорит, что с моей помощью она его накажет за тебя. Сообщит, как только тот уедет из города. Я ей свой телефон оставлю... Скажи, что он сделал?

— Пусть Наталья и скажет. Я не могу... не мужское это дело — жаловаться. Насчет отъезда — да, дела некоторые

доделаю и уеду. Меня здесь уже ничего не держит. На девять дней схожу, попрощаюсь с матерью и отцом и поеду... Вот и тебя увозят.

— Муж приказал — Минздрав забегал.

— Ну, может быть, так и надо. Все-таки Москва. Да и дом... — И, долго глядя на Лизу голубыми наполненными проступившими слезами глазами, тихо добавил: — У тебя все будет хорошо, Лиза. Все будет очень хорошо...

Александр положил на прикроватный столик сложенный вдвое листок бумаги.

— Я тебе данные и телефоны главного врача и заведующего отделением абдоминальной хирургии Градской больницы в Москве написал. Я с ними разговаривал. Они будут рады тебя принять и лечить у себя. Они очень хотят тебя лечить.

— Зачем? Я вроде у них была?

— Наверное, чтобы найти то, что чуть не потеряли.

— И что они чуть не потеряли?

— Совесть, наверное, медицинскую. Пока, Лиза, есть совесть — мы врачи. Как только мы ее теряем, то наши дипломы надо рвать, как с офицеров-предателей погони!

— Жестко, если не сказать жестоко!

— А медицина жестокая по своей сути. Жестче, чем жизнь, потому что жизнь людей от нее во многом зависит!

— Я так тебе благодарна... — И сквозь слезы тихо-тихо: — Можно я к тебе... туда... приеду? Можно? Туда, где солнышко бежит-бежит по небу, стучается о горизонт и опять, как мячик, вверх подпрыгивает. Где ночью светло как днем и сопки в розовом тумане. И по небу гуси, гуси, гуси... Я правильно запомнила?

— Не приедешь! Но сказала правильно.

— Поцелуй меня. Поцелуй, как раньше.

Александр наклонился, обхватил ее голову рукой, приподнял над подушкой и поцеловал в губы. Долго и нежно.

Лиза вдруг обняла своими тоненькими ручками шею Александра, прижалась к его лицу и сквозь рыдания зашептала:

— Сашенька, родной, любимый, прости меня! Прости... Саша, знай, я всегда тебя любила. Всегда! И... очень, очень сильно тебя люблю!

— И я тебя. Ты у меня единственная...

— Уходишь?... Больше не придешь?

— Нет, Лиза... Все, я пойду, сама понимаешь...

Александр положил Лизину голову на подушку и пошел к двери.

Лиза крикнула в спину громко:

— Саша! Я все-таки приеду! — И добавила жалобно: — Можно?

Он повернулся, посмотрел с огромной нежностью и любовью на Лизу. Махнул прощально рукой.

— До свидания, Лиза! — И, после паузы, весело: — Приезжай! Я буду ждать! Приезжай... с сыном!

* * *

Через три дня навсегда с радостью покинувший Петербург теперь уже бывший главный врач больницы и без пяти минут заместитель министра здравоохранения Рудольф Стальевич Цыпик в Москве, несказанно довольный, вальяжно развалившись, покурил гаванскую сигару и фальшиво насвистывал какую-то мелодию в салоне дорогущего и навороченного «Бентли», купленного в долг под огромные проценты и обещания отдать этот долг в ближайшее же время. В залог даже квартиру поставил. А в чем проблема? Всё — «отобъем»! Да и как не «отбить», если в московских медицинских кругах только и разговоров о его необыкновенном возвращении, и не просто возвращении, а возвышении в ранге заместителя министра! Все старые дружки сразу стали звонить и поздравлять. Какая же прекрасная жизнь у него наступает!.. Курил и посвистывал!..

В это же самое время зазвонил телефон у находящейся на лечении по жесткому личному требованию в отделении абдоминальной хирургии Градской больницы Москвы Елизаветы Сергеевны Голицыной. Звонила старшая медсестра хирургического отделения Наталья Дорошко...

— Здравствуйте, Елизавета Сергеевна! Это Наталья. Я хочу вам рассказать всю правду о...

После телефонного разговора зареванная Елизавета Сергеевна позвонила мужу и потребовала отложить все дела и как можно быстрее приехать к ней в больницу. Разговор не телефонный и крайне срочный!..

Санкт-Петербург, июнь, 2011 г.

Дмитрий Евгеньевич Ружников

Инфаркт

Повесть о медицине и любви

Текст настоящего издания приводится в авторской редакции

Оригинал-макет *М.Н. Николаева*

Дизайн обложки *М.Н. Николаева*

Подписано в печать 20.07.2012. Формат 60x90^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 7,625. Заказ № 2817

Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23

